

КЭРОЛАЙН КЕПНЕС

Клянусь любить тебя до смерти... твоей...

НОВАЯ

ТЫ

Гипнотически и ПУГАЮЩЕ. Никогда
не читал ничего подобного.

Стивен Кинг

Кэролайн Кепнес

Новая Ты

Серия «Ты», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44527067

Новая Ты: Эксмо; Москва; 2019

ISBN 978-5-04-103616-4

Аннотация

ИСТОРИЯ О РОМАНТИЧНОМ СЕРИЙНОМ УБИЙЦЕ В ПОИСКАХ НАСТОЯЩЕЙ ЛЮБВИ.

Блестящее продолжение мирового бестселлера «Ты». Сплав «Над пропастью во ржи» с «Американским психопатом», «Исчезнувшей» и «Мизери». Язык повествования настолько силен и достоверен, что кажется, будто главный герой сам написал эти книги. Компания Netflix экранизировала «Ты» в одноименном сериале, а этот роман лег в основу второго сезона.

...Наконец-то я нашел тебя. Ты – смысл моей жизни. Ты – моя Любовь. Все, кто был до тебя, отныне не имеют значения. Они даже не память – их просто нет. А у нас с тобой впереди вся жизнь. Ты – лучшая, ты – Идеал. Прошу лишь об одном – не обмани мои ожидания. Мне будет очень сложно пережить это. Но главное – этого не переживешь ты...

Джо Голдберг, продавец из книжного магазина, – специалист в сокрытии тел. На его счету их уже четыре – сопутствующий

ущерб в поисках идеальной любви. Собирается он разобраться и с пятым, наказав свою бывшую за предательство. Голдберг узнал, что девушка уехала в Лос-Анжелес, и последовал за ней. Но здесь его планы резко изменились. Потому что Джо... влюбился, как никогда в жизни. Все прочие дела сразу перестали иметь значение, и теперь он собирается начать новую жизнь, перечеркнув свое прошлое.

Однако проблема с сокрытыми телами состоит в том, что иногда они оказываются на поверхности...

Содержание

1	6
2	14
3	24
4	32
5	44
6	50
7	56
8	64
9	74
10	83
11	93
12	101
13	114
14	129
Конец ознакомительного фрагмента.	130

Кэролайн Кепнес

Новая Ты

Эта книга для тебя, мама.

Спасибо, что подарила мне жизнь.

Caroline Kepnes
HIDDEN BODIES

Copyright © 2016 by Alloy Entertainment and Caroline
Kepnes

Cover design by Natalie C. Sousa

© Карпова К.А., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке. ООО «Издательство «Экс-
мо», 2019

1

Я покупаю Эми фиалки. Не розы. Розы дарит тот, кто чувствует себя виноватым. А за мной нет вины. Я – идеальный любовник. И выбор я сделал правильный: Эми Адам живет здесь и сейчас, а не в виртуальном мире.

– Фиалки – символ Род-Айленда, – говорю я парню, заворачивающему цветы. У него грязные руки, и он небрежно мнет лепестки. Мои лепестки. Чертов Нью-Йорк!

– Да ладно? – Он хмыкает. – Чего только не узнаешь...

Расплачиваюсь наличными и выхожу на улицу. Солнце печет совсем по-летнему, хотя еще только май. Вдыхаю аромат цветов. Род-Айленд... Я бывал там. Прошлой зимой довелось съездить в Литтл-Комптон. Тогда я был не в себе от любви к Джиневре Бек (упокой Господь ее душу) и от ревности к ее эмоционально нестабильной подруге Пич Сэлинджер (упокой Господь ее душу)¹.

Мне сигналият. Приношу извинения. Сам виноват: задумался и вылез на мигающий сигнал светофора. А я не из тех придурков, что не способны признать свою ошибку.

Прошлогоднюю ошибку я тоже признаю. Прокручиваю ее снова и снова у себя в голове по сотне раз на дню: как спрятался в шкафу на втором этаже в загородном доме Сэлин-

¹ Здесь и далее: все события из прошлого Джо, упоминаемые в книге, подробно описаны в романе К. Кепнес «Ты».

джеро, как захотел в туалет и был вынужден отлить в кружку из-под кофе и как сбежал при первой же возможности, забыв ее опорожнить. С тех пор это не дает мне покоя.

Изменить прошлое нельзя, но из него можно сделать выводы. Теперь я стал гораздо внимательнее. Например, помню до мелочей, как Эми Кендалл Адам вернулась в книжный магазин – в мою жизнь. Вижу ее улыбку, непослушные светлые локоны и фальшивое резюме. Это было пять месяцев назад. Она заявила, что ищет работу, но ты и я, мы оба знаем, что она искала меня. Я нанял ее, и в первую же смену Эми явилась со списком редких букинистических книг, которые хотела бы увидеть. Еще она притащила контейнер с ягодами асаи и заявила, что если их есть, то можно жить вечно. Я возразил, что смерть приходит за всеми, и Эми рассмеялась. У нее милый задорный смех. А еще она принесла латексные перчатки. Я поднял одну с прилавка и спросил:

– Зачем это?

– Чтобы не повредить редкие книги.

– Послушай, от тебя требуется лишь расставлять новые поступления и сидеть за кассой.

– Ладно, поняла. А ты знаешь, что стоимость некоторых изданий «Алисы в Стране чудес» доходит до миллиона долларов?

Я рассмеялся:

– Не хочу тебя расстраивать, но у нас внизу нет «Алисы».

– Внизу? Значит, особые книги хранятся там?

Мне захотелось обнять ее за талию и затащить вниз, в клетку – в наше надежное укрытие. Запереть дверь, сорвать одежду и овладеть ею. Но я сдержался. Вручил ей анкету и ручку.

– Можем прошвырнуться с тобой по дворовым распродажам, – не унималась Эми. – Знаешь, иногда там попадаются настоящие сокровища.

Я улыбнулся:

– Хорошо, только если ты больше не будешь предлагать мне «прошвырнуться».

Эми улыбнулась. Она была твердо намерена развить бурную деятельность: ездить по распродажам имущества, следить за ликвидациями библиотечных фондов и копаться в коробках, оставленных на улицах, – вместе со мной. Потому что это лучший (и самый быстрый) способ сблизиться: вы спускаетесь вместе в покинутые, пропахшие плесенью комнаты и вместе вылетаете оттуда, чтобы глотнуть свежего воздуха, и хохочете, и соглашаетесь, что самое время выпить. Мы стали командой.

Какая-то старуха, ковыляющая с подпоркой по улице, кивает мне. Я улыбаюсь. Она показывает на цветы:

– Ты хороший мальчик.

Да, это так. Благодарю ее и иду дальше.

С Эми у нас все завертелось пару месяцев назад. Мы перебирали книги в кабинете только что преставившегося господина из Верхнего Ист-Сайда, и Эми потянула меня за лац-

кан темно-синего пиджака, который сама же мне и купила за пять баксов на гаражной распродаже. Она хотела, чтобы я выложил семь сотен за помятый том «Пасхального парада» с автографом автора.

– Эми, – шепнул я ей, – на Йейтса спроса нет и в обозримом будущем не предвидится.

– Я его обожаю, – простионала она. – Эта книга много для меня значит.

Ох уж эти женщины! Всегда идут на поводу у эмоций. Так денег не заработаешь, но и сказать «нет» Эми, глядя в ее огромные голубые глаза и ощущая запах ее длинных светлых волос, как из клипа «Ганз ‘н’ Роузез», было невозможно.

– Все, что хочешь, для тебя сделаю, – клянчила она.

Через час у меня в рюкзаке валялся никому не нужный «Пасхальный парад», а Эми отсасывала мне в туалете ближайшего «Старбакса», но это было ни капли не пошло, а напротив, чертовски романтично, потому что мы сходили с ума друг по другу. Это был не вульгарный минет, нет-нет, друзья мои, а настоящая фелляция. Потом Эми поднялась, я сорвал с нее джинсы-«бойфренды»... и остолбенел. Нет, конечно, я знал, что она не любит бриться: не раз замечал щетину у нее на ногах и слышал ее разглагольствования про рациональное расходование водных ресурсов, – но к такому я был не готов. Она притянула меня к себе.

– Добро пожаловать в джунгли.

От одного воспоминания об этом я расплываюсь в улыб-

ке. Я счастлив. Мы с Эми сексуальнее, чем Боб Дилан и Сьюз Ротоло на обложке его альбома «The Freewheelin' Bob Dylan»; изобретательнее, чем Том Круз и Пенелопа Круз в «Ванильном небе». И у нас есть общее дело: мы скупаем все экземпляры «Случая Портного» Филипа Рота. Это наша любимая книга. Мы даже перечитывали ее вместе. Эми исчеркала весь свой экземпляр маркером, выделяя избранные отрывки. Я попросил ее быть аккуратнее и использовать что-нибудь менее яркое, а она заявила:

– Ненавижу блеклую аккуратность!

В этом вся Эми. Она сама страсть. И с ума сходит по «Случаю Портного». Я хочу скупить все изданные желтые томики и спрятать их у себя в подвале, чтобы только мы могли к ним прикасаться. Конечно, с точки зрения бизнеса это неоправданное расточительство, но я обожаю трахать Эми рядом с внушительной стеной из желтых корешков. Филипу Роту такое понравилось бы. Когда я рассказал об этом Эми, она расхохоталась и предложила написать ему письмо. Да, ей не откажешь в творческой дерзости.

У меня звонит телефон – электромонтер из «Глистон бразерс» по поводу установки увлажнителя. Подождет. На электронную почту пришло письмо с новостного сайта «БаззФид» о том, что они составляют список самых модных независимых книжных магазинов Нью-Йорка. Потом. Всё потом! В жизни нет и не может быть ничего более срочного, чем любовь, – когда хочется просто идти по улице и пред-

ставлять свою девушку обнаженной на кипе желтых книг.

Подхожу к магазину, открываю дверь. Звенит колокольчик. Эми смотрит на меня и скрещивает руки. Может, у нее аллергия на цветы. Может, фиалки – отстой.

– В чем дело? – спрашиваю я, замирая. Неужели это оно – начало конца, когда девушка из сексуальной милашки превращается в капризную суку – словно из купленной тачки выветривается опьяняющий запах новизны.

– Цветы? – Она фыркает. – Знаешь, чего я действительно хочу?

Мотаю головой.

– Ключи! Только что заходил парень, интересовавшийся Йейтсом, и если б у меня были ключи, я показала бы ему книгу.

Швыряю букет на прилавок.

– Притормози. Ты записала его телефон?

– Джо! – Она топает ногой. – Книги – моя страсть. Я обожаю этот магазин. Думай обо мне что хочешь, но тут вся моя жизнь. Пожалуйста! Дай ключи.

Я ничего не отвечаю. Мне надо запомнить этот момент, спрятать его, как сокровище, в недрах памяти: тихая музыка, «Sweet Virginia» от «Роллингов», приглушенный свет. Дверь не заперта. Висит табличка «Открыто». Я огибаю прилавок, обнимаю Эми и припадаю к ее губам. Она отвечает на поцелуй.

Раньше никому и никогда ключей не давал. Но это должно было случиться. Жизнь требует перемен. И я к ним готов. В моей кровати достаточно места, и теперь, когда появилась достойная девушка, я рад впустить ее к себе. Я – хозяин своего будущего. И я даже приплатил, чтобы дубликат ключей сделали розовым в цветочек.

Когда я вложил это великолепие в ладонь моей Эми, она сначала оцепенела, а потом принялась осыпать ключи поцелуями.

– Я понимаю, как много для тебя это значит. Спасибо, Джо. Буду беречь как зеницу ока.

Вечером она пришла ко мне, и мы смотрели ее любимый дурацкий «Коктейль» с Томом Крузом (увы, никто не идеален!), занимались любовью, заказали пиццу, а потом у меня сломался кондиционер.

– Надо сообщить хозяину? – забеспокоилась она.

– К черту! Грядет Великий день, Эми.

Я улыбаюсь и заваливаю ее в постель. Небритые ноги царапают меня, но я уже привык. Мне даже нравится. Она облизывает губы.

– Ты о чем, Джо?

– Иди домой и пакуй вещи. Я умчу тебя сегодня на красном кабриолете.

Кусаю ее в шею.

– Ты меня похищаешь?

Если ей так хочется, то да.

– У тебя два часа. Быстро!

2

Она побрила ноги. Я знал, что она понятливая. И я свое слово сдержал. Теперь мы – те самые засранцы, которые колятся по курортам Род-Айленда на красном кабриолете, вызывая всеобщую зависть. Мы – ваш худший ночной кошмар. Мы переполнены счастьем. И нам нет до вас никакого дела: думайте что хотите, делайте что хотите. Я за рулем шикарной тачки, рядом девушка моей мечты. Никаких забот. Никаких тревог. Наконец-то. Только любовь.

Верх поднят, мы поем «Goodbye Yellow Brick Road» Элтона Джона. Я хочу отмотать все назад, хочу вернуть очарование вещам, отравленным болезненной порочностью моей бывшей девушки Джиневры Бек (теперь-то я понимаю, что она страдала пограничным расстройством личности, а это – увы! – не лечится). Бек и ее ненормальные друзья надолго лишили меня привычных радостей жизни. Весь город долго напоминал мне о ней. Я думал, что не смогу больше гулять по Нью-Йорку и наслаждаться музыкой сэра Элтона, потому что его песня звучала, когда я убивал Пич.

Эми гладит меня по плечу и показывает на хищную птицу, парящую в небе. Я улыбаюсь. Какое счастье, что она не из тех дур, которые тут же прикручивают музыку и принимаются нудно обсуждать скрытый символизм увиденного! Она классная. И любит меня. Все чудесно. Но факт остается фак-

ТОМ.

Я забыл опорожнить кружку!

И это меня гложет. Я боюсь последствий. В той ситуации у меня не было выбора: организм требовал своего. Но я не могу простить себе последующей безалаберности. Как можно было оставить свой биологический материал на месте преступления, словно легкомысленная девица – трусики у случайного кавалера? Это оплошность. Сбой системы. Доказательство моего несовершенства, вопреки обычной аккуратности и педантичности. А хуже всего, что у меня даже нет запасного плана, хотя в новой счастливой жизни с Эми я должен быть чист. Кристально чист.

Она протягивает мне свои солнечные очки, покрытые царапинами.

– Ты за рулем – тебе нужнее.

Бек так никогда не поступила бы, а Эми заботится обо мне.

– Спасибо, малышка.

Она нежно целует меня в щеку. Неужели все это происходит со мной? Я не сплю? Любовь преображает мир. В моем сердце не остается ни капли ненависти. Эми, моя целительница, мой очаровательный антисептик, уничтожила ненависть подчистую. Раньше я нередко зацикливался, некоторые даже могут обвинить меня в одержимости. Но Бек была в полном раздрае, так что ради ее же блага мне приходилось обыскивать ее квартиру, читать почту, контролиро-

вать «Фейсбук» и «Твиттер», переживать по поводу ее навязчивой писанины, ее противоречий, ее лжи. Однако я усвоил урок. С Эми у нас все чудесно, потому что виртуальная жизнь ее не интересует. Она вне системы. Ее нет ни в «Фейсбуке», ни в «Твиттере», ни в «Инстаграме». У нее даже электронной почты нет. Она пользуется одноразовыми мобильниками, и мне приходится чуть не каждую неделю забивать в память ее новый номер. Она на сто процентов аналоговая. И мне она идеально подходит.

Поначалу эта ее особенность меня ошарашила и насторожила. Как можно не пользоваться Интернетом? Она что, напыщенная дура, возомнившая себя неизвестно кем? Или лгунья?

– Как же переводить тебе зарплату? – поинтересовался я тогда. – Мне нужен номер банковского счета.

– У меня есть подружка в Квинсе. Я выписываю чеки на ее имя, и она мне их обналичивает. Мы все так делаем. Она никогда не подводит.

– Все?

– Ну да, мы все – кто предпочитает жить офлайн. Я не одна такая.

Тупые овцы из Интернета мнят себя феями и снежинками. Они хотят, чтобы им непрерывно твердили, как они уникальны, необычны и неповторимы, и чтобы Принс пел «Nothing compares» (да бедняга скорее в гробу перевернется!). Все эти богини «Инстаграма»... «Ах, посмотрите, как

я мажу маслом бутерброд!» Наконец-то (хвала Господу!) нашелся кто-то совершенно иной. Эми ничего из себя не строит и не оригинальничает. Мне не приходится в гнетущем одиночестве следить за обновлениями ее статуса и разглядывать постановочные фоточки фальшивого веселья. Когда мы вместе – мы вместе. А когда она уходит, я могу быть спокоен, что она идет туда, куда сказала.

(Конечно, я следил. И телефон ее время от времени проверяю. Должен же я убедиться, что она не врет. Хватит с меня лжи!)

– Кажется, я чувствую запах моря, – замечает она.

– Нет, еще рано.

Эми кивает. Она не спорит по мелочам. В нет той злобы, что была в Бек – в этой маленькой хронической лгунье, которая обманывала самых близких людей: меня, своих товарищей по учебе... Она соврала мне, что ее отец мертв (хотя он живет и здравствует). Она утверждала, что, как и Пич, ненавидит фильм «Магнолия» (хотя в письме заявляла обратное, я своими глазами видел).

Эми – славная девочка и врет лишь незнакомцам из вежливости, а любимым людям – никогда. Например, сейчас на ней потертый топик с эмблемой университета Род-Айленда, хотя она в жизни в нем не училась. Она, как и я, вообще нигде не училась. Мне для этой поездки Эми припасла футболку Брауновского университета.

– Будем всем говорить, что я – студентка, а ты – мой про-

фессор. – Она хихикнула. – Мой женатый профессор.

Она раскапывает подобную одежду в комиссионках. На ее груди постоянно красуются надписи и логотипы. Когда в магазине покупатели спрашивают, правда ли, что она училась в Принстоне, университете Массачусетса или в Нью-Йоркском университете, Эми всегда отвечает «да» (я сам слышал). С женщинами она любезна и вежлива, а мужикам позволяет думать, что у них есть шанс (хотя, конечно, нет). Ей просто нравится общаться, нравится слушать чужие истории. Она – мой маленький антрополог, мой исследователь.

Мы приближаемся к повороту на Литтл-Комптон, и когда мне начинает казаться, что жизнь прекрасна и лучше уже быть не может, в зеркале заднего вида я замечаю мигалку. Нас догоняет полицейская машина. Настойчиво. Быстро. Сирена ревет. Я выключаю музыку. Бью по тормозам. Сдерживаю дрожь в коленях.

– Что за черт?! – возмущается Эми. – Ты же не превысил.

– Вроде нет, – выдавливаю я, наблюдая в зеркало за выходящим полицейским.

Эми поворачивается ко мне:

– Что ты сделал?

Что я сделал? Убил свою бывшую девушку Джиневру Бек. Тело закопал в пригороде Нью-Йорка рядом с домом ее психотерапевта, доктора Ники Анжвина, которого и обвинили в убийстве. Перед этим задушил ее навязчивую подругу Пич Сэлинджер – меньше чем в пяти милях отсюда, на пляже ря-

дом с загородным домом ее семьи – и обставил все как самоубийство. А до этого устранил ее лживого дружка-наркомана Бенджи Киза, торговавшего никому не нужной органической содовой; тело кремировал и спрятал в его же тайном хранилище. Семья даже не стала искать беднягу, решив, что он обкурился и утонул... Ах да. Еще была Кейденс, моя первая любовь, упокоившаяся в море. Никто на свете не знает, что во всех этих смертях виноват я. Так что вопрос Эми можно считать риторическим.

– Представления не имею.

Эми вытаскивает из бардачка договор аренды на машину и с силой захлопывает дверцу. Офицер Томас Дженкс подходит к нам, не снимая солнечных очков. У него покатые плечи, форма висит мешком.

– Права и договор, – требует он и опускает взгляд на мою футболку. – Возвращаетесь в университет?

– Едем в Литтл-Комптон, – отвечаю я и добавляю: – А что?

Он не обращает внимания на мой пассивно-агрессивный тон. Какого черта?! Я не превышал скорость. И я не тупой заучка (вот почему обычно не ношу университетские майки). Офицер внимательно изучает мои нью-йоркские права. Да сколько можно?

Эми покашливает.

– Офицер, что мы нарушили?

Он неторопливо поднимает на нее взгляд, переводит на

меня.

– Не включили поворотник.

Он что, мать его, издевается?

– А-а-а... – говорю я. – Извините.

Дженкс заявляет, что ему нужна «пара минут», разворачивается и топает к своей машине, переходя на трусцу. Какого черта? Почему он так торопится? Я вспоминаю свои проступки, свои тайные деяния, и у меня перехватывает горло.

– Джо, расслабься, – шепчет Эми и гладит меня по коленке. – Это мелкое нарушение.

Она понятия не имеет про четыре трупа. Меня бросает в пот. Я слышал о таких случаях: человека задерживают за какую-нибудь ерунду, его имя загоняют в дьявольскую компьютерную систему, и выясняется, что он виноват во всех смертных грехах. Будь у меня пистолет, я застрелился бы.

Эми включает радио. Проходит двадцать минут, пять песен, а офицера Томаса Дженкса с моими документами по-прежнему нет. Если все дело в штрафе за невключенный поворотник, то куда он сейчас названивает? И что он так внимательно изучает в компьютере? Неужели все закончится прямо сейчас? На взлете? Хотя мой «Айфон» показывает, что будет ясно, небо над головой затягивается тучами. В прошлом году я уже сталкивался здесь с полицией, только тогда представился офицеру Нико как Спенсер. А если он узнает меня по фотографии? И позвонит Дженксу? И скажет: «Я знаю этого парня»? И...

– Эй, Джо, – окликает меня Эми (я уж и забыл, что она здесь). – У тебя паническая атака? Не переживай ты так. Ничего страшного.

– Знаю. Просто ненавижу копов.

– Понимаю...

Она хлопает меня по коленке и достает из дорожного холодильника бутылку содовой. Содовой! Черт бы ее побрал! Это добивает меня. Эми делает большой глоток, а я вспоминаю Бенджи, и Пич, и... кружку!

Ту самую злополучную кружку с мочой!

Чтоб ей сгинуть! Я представляю, как горничная, убираясь, ненароком задевает ее, а потом с отвращением вытирает тряпкой лужу и промывает пол с хлоркой, чтобы даже запаха не осталось. Представляю золотистого ретривера (люди, покупающие летние дома у моря, любят больших собак), который, унюхав кружку, случайно опрокидывает ее и убегает на зов хозяина, а улика просачивается сквозь половицы и исчезает; я в безопасности. Представляю кузину Сэлинджеров, мерзкую, беззаботную сучку, не вылезающую из мессенджеров и соцсетей, которая не глядя закидывает в шкаф свои драгоценные туфли от «Маноло Бланик» или сандалии от «Тори Берч», а потом слетает с катушек, заметив, что они пропахли мочой, и с омерзением выкидывает их в помойку – и я в безопасности.

Хлопает дверца. Показывается Дженкс. Сейчас он попросит меня выйти. Или начнет что-то врать. Или попросит Эми

покинуть машину. Я чувствую запах его одеколона – запах неудачников. Он вручает мне документы.

– Извините за задержку. Новый компьютер барахлит.

– Да уж, технологии... – выдыхаю я. Свободен. *Свободен!* – Мы можем ехать?

– Только не забывайте про поворотники. – Он улыбается.

– Конечно, офицер, еще раз простите.

Дженкс интересуется, где мы живем в Нью-Йорке.

– Наверно, на Манхэттене? – с завистью тянет он.

Я отвечаю, что нам больше нравится Бруклин, там спокойнее. Гроза миновала. Господь хранит меня. От офицера несет не только парфюмом, но и большими надеждами. Я вижу его скучную жизнь как на ладони: все те мечты, что он не решился воплотить и никогда уже не решится – не из-за того, что он ссыкло или тряпка, а из-за того, что у него нет воображения. Он просто не способен представить будущее в красках, ярко и осязаемо, чтобы поднять свою задницу и начать действовать. Копом он стал лишь потому, что не надо думать, как одеться утром.

– Развлекайтесь. – Полицейский берет под козырек. – И будьте осторожны.

Я завожу машину и благодарю Господа за то, что этот чудесный день и моя жизнь продолжаются. Одна рука на руле, другая – на груди у подружки. Впереди поворот на Литтл-Комптон, и я не хочу впредь видеть ни одного полицейского. Никогда. Поэтому больше никаких ошибок.

Я включаю гребаный поворотник.

3

Тормозим у кафешки, берем по лимонному коктейлю со льдом и садимся на улице. Жизнь прекрасна. Эми делает глоток и кривится.

– Могло быть и лучше.

Обожаю ее за прямоту.

– Курортники – народ не придирчивый, поэтому тут не парятся.

– Ну да, – она фыркает, – кто вечно всем недоволен, больше одной звезды и так не поставит, а кто по уши в комплексах, напишет про «лучший лимонад на побережье», чтобы все завидовали. Нация показушников.

Порой мне хочется, чтобы Эми могла познакомиться с Бек.

– Это прямо про мою бывшую.

Эми облизывает губы.

– Бывшую?

Мы на отдыхе, поэтому я даю себе волю и рассказываю немного про Бек, хотя это и не в моих правилах. Эми вскидывает брови.

– У тебя была телочка из Лиги плюща? Высокомерная, наверное?

– Совсем немного. Скорее, печальная.

– В престижных университетах одни психи. Они же все

детство готовятся к поступлению. Тут любой свихнется! А жить здесь и сейчас не умеют.

Я бы оттрахал мою малышку прямо тут, на столе, – здесь и сейчас.

– В точку. Встречалась с кем-то оттуда?

Мотает головой и требует:

– Сейчас рассказываешь ты.

Она – сокровище. Нынешние женщины не умеют интриговать, сразу вываливают о себе всю подноготную. Эми не такая.

– Давай, – приказывает она, – выкладывай.

Я начинаю с того, как познакомился с Бек в магазине.

– На ней не было лифчика, – вспоминаю я.

– Понятно, искала внимания.

– Она купила Полу Фокс.

– Хотела пустить пыль в глаза. – Эми кивает, а я не могу сдержать восхищения: какая же у меня классная и необычная девушка. Другая на ее месте принялась бы перебивать или разразилась ревнивыми нападками. Эми не такая. Она вся превратилась в слух. Впитывает, как губка. Не зря мы сюда приехали: в Нью-Йорке так не поговоришь. Когда я рассказал, как Бек испортила наше свидание в баре отеля «Карлайл» своим твитом и как она тайком искала слово «солипсический» в словаре, Эми сразу ухватила суть. А когда я упомянул, что Бек называла Литтл-Комптон «ЛК», Эми выругалась. Она все поняла. От и до.

– Вы с ней здесь были? – Слегка повышает голос и смотрит на меня с подозрением.

– Нет.

В общем-то, это правда. Я не вру. Я следил за Бек, а не отдыхал с ней. Разница очевидна.

Рассказываю, как Бек изменила мне со своим психоаналитиком.

– Ужас! – сочувствует Эми. – Как ты узнал?

Запер ее в клетку, обыскал квартиру и нашел переписку в ноутбуке.

– Просто почувствовал, – отвечаю я (и это, в общем-то, не совсем ложь). – Потом спросил напрямую, она призналась. Вот и всё. Сразу расстались.

Эми гладит меня по коленке, а я прошу, чтобы она погуглила имя «Николас Анжвин». В первых же строках поисковик выдает броские газетные заголовки. Эми смотрит на меня с ужасом.

– Он ее убил?

– Да. – Я киваю (сработано было все очень чисто: про меня нет ни слова в Вики-статье об этом деле). – Задушил ее и закопал труп недалеко от семейного загородного дома.

Эми ежится, словно от холода.

– Скучаешь по ней?

– Ее мне, конечно, жаль, но о расставании я не жалею. А потом... может, это прозвучит жутко... потом появилась ты, и я вообще обо всем забыл.

Эми придвигается ближе.

– Как мило, – шепчет она и обещает никогда не изменять мне с психоаналитиками. Говорит, что вообще не доверяет врачам – «людям, которые наживаются на чужой боли».

Господи, как же я ее обожаю, такую пронизательную и недоверчивую, такую милую и нежную... Мы целуемся.

– Я быстро, – шепчет Эми и поднимается. Смотрю ей вслед. Она оборачивается и подмигивает.

Как только за ней закрывается дверь туалета, я выуживаю ее телефон из сумочки. Уверен, что там не будет ничего крамольного. Просто мне нужно знать. Просто мне нравится наблюдать за ней, как тому милому парню из старого фильма нравилось наблюдать за Джулией Робертс, когда она примеряла шляпки и танцевала перед зеркалом под Ван Моррисона².

Беря в руки телефон Бек, я никогда не ждал ничего хорошего. С Эми все по-другому. С ней никаких сюрпризов. Первая же строчка в истории ее поиска – «Хендерсон – отстой». Она читает аннотации к выпускам ток-шоу «P@#уй нарциссизм», которое этот придурок ведет, а мы вместе смотрим и ненавидим. Гости там сидят за столом, а ведущий – развляясь, на кушетке, потому что он – нарцисс и хочет говорить только о себе, а гостю надо прорекламирровать и впарить зрителям какой-нибудь очередной дерьмовый фильм. По мнению Эми, успех такого идиота, как Хендерсон, – неопровер-

² Триллер «В постели с врагом» (1991).

жимое доказательство неминуемого людоедского апокалипсиса нашей культуры.

– Что ты делаешь?

Я вздрагиваю и чуть не роняю телефон, на который ложится тень моей малышки. Виновато поднимаю глаза. Она стоит передо мной: руки скрещены, брови нахмурены.

Черт! Я сглатываю. Застукали!

– Эми, – начинаю я оправдываться, сильнее стискивая ее телефон, – знаю, это выглядит ужасно, но ты все не так поняла.

Она вытягивает руку.

– Дай сюда.

– Эми, прости.

Даже не смотрит. Я протягиваю телефон и пытаюсь усадить ее рядом, но она вновь скрещивает руки. В глазах стоят слезы.

– А я-то шла и думала, как мне хорошо с тобой...

– Прости.

– Что ты вынюхиваешь? Зачем все портишь?

– Все совсем не так... – бормочу я и протягиваю к ней руки.

– Нет. – Она отталкивает меня. – Ясно, ты мне не доверяешь. Да и с чего бы? При первой же встрече я расплатилась краденой кредиткой. Чтоб ее... Конечно, ты подозреваешь...

– Нет. Совсем нет. Я верю тебе! А в телефон полез, потому

что с ума по тебе схожу. И скучаю ужасно, даже когда ты просто в туалет уходишь. – Я падаю на колени и умоляю: – Эми, клянусь. Я никого еще так не любил. Можешь считать меня сумасшедшим, но я хочу быть рядом постоянно. Мне даже минутой без тебя прожить невыносимо.

Ничего. Никакой реакции. Но только одно мгновение. Потом она вздыхает, ерошит мне волосы и велит:

– Вставай.

Мы усаживаемся рядом на скамейку. К кафешке подъезжает минивэн, из которого с шумом и смехом вываливается большое семейство. Пять минут назад мы обменивались бы с Эми шуточками в их адрес, а теперь сидим и угрюмо молчим.

– Мы росли совсем иначе, и это не наша вина. – Я вздыхаю. – Нам сложно доверять людям.

Эми смотрит, как мать натирает детей кремом от загара.

– Да, – откликается она, – ты прав. Насчет дерьмового детства и всего прочего.

Беру ее за руку, и мы вместе наблюдаем, как отец вызывает к рассудительности своего безрассудного четырехлетнего сына, убеждая его, что если он выпьет еще стакан лимонада, то в животе не останется места для хот-догов. Подходит мать, обнимает малыша и спрашивает: «Солнышко, скажи, чего ты хочешь?», тот орет: «Лимонад!» Отец хмурится и заявляет, что мать портит ребенка, а она отвечает, что детей надо слушать и уважать их желания. Прямо как в телике.

Эми кладет мне руку на плечо.

– Ты мне нравишься.

– Больше не злишься?

– Нет. Я ведь такая же. Порой даже не верится, насколько

мы похожи.

Я коченею.

– Ты тоже лазила в мой телефон?

Кейденс? Бенджи? Пич? Бек? Кружка с мочой?

Эми хохочет:

– Нет, но если оставишь без присмотра, непременно загляну. Доверяй, но проверяй, как говорится.

Киваю.

– Не хочу быть похожим на того папашу. Надеюсь, мы не станем такими, как они.

Эми сжимает мою руку.

– Никогда.

Я на седьмом небе. Такое единение – лучшее, что может быть на свете. Лучше секса. Лучше красного кабриолета. Лучше первого признания в любви.

– Точно? – спрашиваю.

– Точно, – кивает.

Все-таки я здорово придумал с поездкой. Берем еще по коктейлю в дорогу и запрыгиваем в машину. Мир перестает существовать, как после ядерной катастрофы, мы – единственные выжившие. Никогда не стоит торопиться с самоубийством: всегда есть шанс, что жизнь круто изменится, и

вы вдруг обнаружите рядом с собой кого-то упоительно чудесного. Эми хохочет над моими шутками так, что лимонад вытекает у нее из уголков рта. Мы находим тихое местечко, и я удовлетворяю ее языком, а когда отрываюсь, ее сок стекает у меня с губ. Думаете, вы умеете отдыхать? Как бы не так! А я умею. Заслужил. Моя девушка застучала меня, когда я копался у нее в телефоне, и все равно с радостью раздвигает ноги.

Когда мы подъезжаем к отелю, она пищит от восторга.

Мы выходим на террасу нашего номера, и я сам еле удерживаюсь, чтобы не запищать. Конечно, я знал, что мы будем рядом, но не думал, что настолько. Дом Сэлинджеров, сияющий, подсвеченный иллюминацией, полный народу, лежит перед нами как на ладони. Интересно, нашли они мою кружку?

– Знаешь их? – спрашивает Эми.

– Это дом Сэлинджеров.

Рассказываю про порочную дружбу Пич, закономерно закончившуюся самоубийством. Эми обнимает меня – и если бы мы были в мультике, моя рука дотянулась бы, как резиновая, до пляжа, до дома, вверх по скрипучим ступеням, в спальню, к кружке с мочой, схватила бы ее и вернулась обратно. И тогда счастье мое было бы полным.

4

На следующее утро мы отправились на пляж с полотенцами от Ральфа Лорена под мышкой. Устроились неподалеку от Сэлинджеров. Я решил рискнуть: попрошу между делом воспользоваться их уборной. Вернее, мы попросим. Никто не сможет отказать Эми. И пока она будет вести светскую беседу, я проберусь наверх. План, конечно, не ахти, но другого у меня пока нет.

– Ого! – фыркает Эми, прикрывая глаза ладонью. – Смотри-ка.

Я оборачиваюсь: на нас надвигается разъяренный мужик. Я леденею.

– Они еще хуже, чем ты рассказывал. – Она вздыхает.

– Тише.

Мужик настроен решительно. Свистит нам, потом орет:

– Это частные владения!

Удивительная штука – семейное сходство: Пич давно нет на свете, а ее нос, ее кучерявые волосы – вот они, снова у меня перед глазами.

– Вы должны быть на другом краю песка.

Идиот! У песка нет края. Эми стаскивает рубашку, как Фиби Кейтс в фильме «Беспечные времена в “Риджмонт Хай”».

– Очень жаль, – цедит она с улыбочкой. – Вы что-то еще

хотели нам сообщить?

Он пялится на нее – ловко сработано! – а потом с позором ретируется к своей некрасивой жене. Эми смеется:

– Пойдем купаться!

– Я сначала погреюсь.

Надо оценить обстановку. Сэлинджеры тут повсюду: скачут как сумасшедшие на надувных батутах в воде и на пляже, как будто просто солнца, волн, песка и шикарного дома им недостаточно. Дети носятся и играют, мужчины в хлопковых шортах и в рубашках с короткими рукавами обсуждают дорогие шмотки, поля для гольфа в Ирландии и встречи выпускников. Женщины жалуются на продавщиц, официанток, нянь и других бессовестных сучек, которые только и думают, как бы увести их лысеющих, упитанных мужей. Глядя на всех этих радостных людей, и не скажешь, что совсем недавно они потеряли дочь, сестру, тетю. У них отпуск. И единственная их забота – отгонять прохожих от своих драгоценных батутов и своего личного песка. В жизни не видел более жадных сволочей. В дом сегодня мне уже не пробраться.

К черту!

Хватаю Эми и закидываю себе на плечо. Она визжит на весь пляж. Сэлинджеры пялятся и завидуют нам, молодым, бедным, влюбленным. Ташу мою малышку к воде – к той же самой, в которой упокоилась Пич, к тому самому берегу, к которому ее тело прибило месяцы спустя после трагического «самоубийства». Эми обвивает меня ногами, и все мужчины

на пляже плятятся, вожделеют. Так мы и входим в океанскую могилу Пич, а когда выбегаем на песок, пляж почти пуст. Похолодало. Натягиваем свитера. Эми выуживает из своей сумки детскую книжку «Шарлотта и Чарльз» Энн Томперт.

– Моя любимая, – говорит она. – Можно я тебе почитаю?

– Конечно.

Эми прижимается ко мне и начинает.

Жили-были на пустынном острове великан с великаншей – Шарлотта и Чарльз. Великан был доволен, что кругом ни души, а великанша тосковала. Однажды на остров приплыли люди. Шарлотта ликовала, а Чарльз беспокоился. Он помнил, чем все закончилось в прошлый раз – люди чуть их не убили. Но он поддается уговорам подруги и соглашается не прогонять гостей. Чтобы защититься от звона людских колоколов, который для них смертелен, великаны вставляют в уши затычки. Начинается землетрясение, Шарлотта и Чарльз спасают людей, а сами уплывают на другой остров. На предпоследней странице великан и великанша сидят в обнимку и смотрят на звезды. Прошло несколько лет. Она снова мечтает, чтобы приплыли люди. Он пытается ее вразумить и говорит, что опять будут одни неприятности. Она соглашается, но все равно надеется на лучшее. В самом уголке картинки виднеется корабль. Это люди.

Эми с улыбкой закрывает книгу.

– Ну как?

– Муть какая-то.

Шлепает меня по коленке.

– Прекрати! – Заглядывает мне прямо в глаза. – Какие мысли?

Это похоже на тест. Вообще-то мы на отдыхе. Пожимаю плечами.

– Надо переварить. Не люблю, когда сразу просят высказаться по книге.

Эми наклоняет голову и смотрит на меня, как школьный учитель – на туповатого ученика.

– Ясно. Я ее с детства люблю и раз сто уже перечитывала.

Ее трясет, как от холода.

– Замерзла?

Она запикивает книгу в сумку, и мы уходим с пляжа. Я не сумел забрать кружку. Не сумел понять сказку. И песок забивается в кеды. Кто сказал, что ходить по пляжу приятно? Чушь!

В отеле мы вместе принимаем душ, и я загоняю своего «чарльза» в ее «шарлотту», а потом она помогает мне написать ответ для «БаззФид». Заказываем в номер пряные морские гребешки, булочки с омарами и канноли. Едим, занимаемся любовью, смеемся и засыпаем объевшиеся и счастливые.

Мы трахаемся в душе, в джакузи и на балконе (там ей нравится больше всего – она сама так сказала, когда мы ели чернику в постели), а еще на кресле и на диване. Ее счастлирое лицо, трепещущие губы, сладкий стон, распахнутые но-

ги, приоткрытый рот... О этот чудесный маленький ротик! Лучшего места в мире мой член не знает. И я вталкиваю в приоткрытую щелку блестящую ягоду.

– Меткий выстрел. – Она подмигивает.

Мы живем здесь и сейчас, как герои блюза гребаного Джона Майера. И шутим, что руководству отеля придется превратить наш номер в мемориал безудержного секса. Моя любовь растет с каждой минутой. И я не стесняюсь об этом говорить – плевать на все правила! – потому что Эми другая, не такая, как остальные.

– Удивительно, обычно в отношениях раздражение копится, а у тебя, наоборот, уменьшается.

Швыряю в нее подушку.

– У меня его вообще нет!

Она пожимает плечами с хитрой улыбкой, и начинается бой подушками. Потом Эми усаживается на меня верхом и кормит черникой. Я целую ее ртом, полным ягод. Завожу разговор про «Чарльза и Шарлотту», но она только отмахивается, и я покрываю все ее тело сочными черничными поцелуями. Простыни придется выкидывать. Кончая, она стонет на весь этаж и разбрасывает подушки. Одна вылетает через окно с балкона.

– Так вот он какой – подушечный оргазм...

На мгновение у меня перед глазами встает Бек верхом на своей зеленой подушке. Шлепаю Эми по заднице.

– К вечеру нам и спать будет не на чем... – шепчу, снова

готовый в бой.

– Эй, потише. – Она отодвигается. – Надо прогуляться.

– Никаких «надо», мы в отпуске.

Как же чудесно было в древности: ни тебе ресторанов, ни купонов на скидку, придуманных, очевидно, с одной гадкой целью – прервать наш восхитительный секс-марафон.

– Вот! – кричит Эми. – Кафе «Портовые шлюпки» с живой музыкой.

– Доставка у них есть? – делаю я последнюю попытку. Впустую! Эми вылезает из кровати, уверяя, что я ей еще спасибо скажу. Нет, это точно любовь. Как иначе объяснить, что я покорно натягиваю брюки, симулирую восторг по поводу предстоящего ужина со «свежайшими» устрицами и «непринужденной» музыкой, хватаю ключи и слеую за моей малышкой?

В «Портовых шлюпках» творится страшное: парковка забита, официанты похожи на укурков, за столиками одни идиоты. На сцене доморощенная кавер-группа терзает «What's Love Got to Do with It» Тины Тернер под шум, доносящийся с кухни, капризный визг избалованного засранца за ближайшим столиком и пререкания его избалованных родителей по поводу жареных гребешков. Мы не забронировали столик, купон на скидку сегодня не действует, нам предлагают подождать в баре. Час. Может, два.

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, однако Эми удерживает меня и кивает на расфуфыренную пару за барной стойкой.

Мужчина потягивает вино, дама пьет что-то синее. У меня нет никакого желания заводить знакомство, но стоит Эми шепнуть «делай, что сказала» – и я уже на все готов. Люблю такие игры. Она подкрашивает губы.

– Давай притворимся приличными людьми и поужинаем за их счет.

– Ты серьезно?

Она кивает, глаза сверкают.

– Ты будешь Кевин, а я – Лулу.

Черт, как же мы с ней похожи! Я тоже обожаю выдуманные имена, правда, использую их только в экстренных ситуациях – как получилось тогда с офицером Нико. Он решил, что меня зовут Спенсер Хьюитт, а я не стал отрицать.

– Ну, не знаю... – тяну я. – Лулу – дурацкое имя, какое-то ненастоящее.

Она хлопает от радости, и мы решаем, что будем Кевином и Минди из Квинса.

– Я – шеф-повар, а ты – начинающий актер.

– Актер?

Мне обидно. Почему не режиссер? Не врач?

Она берет меня за подбородок:

– Кем же еще работать такому красавчику?

Затащить бы ее в туалет для инвалидов и оттрахать хорошенечко прямо здесь и сейчас!.. Эх, она уже двинулась к паре. Если женщина решила пообщаться, ни один пенис не остановит ее от бестолкового трепа об автокоррекции на

«Айфоне» – «Блеть! Ахаха!» – и о геморрое с арендованной машиной. Слово за слово – так мы и сошлись с Эпштейнами. Оказалось, они тоже из Нью-Йорка – «обалдеть, да!» – оба юристы и вообще милые ребята.

– Привет, я Ноа, это Перл. Мы настоящие евреи – какими их изображают в голливудских фильмах, – представился Ноа, пожимая мне руку.

Болтаем о Вуди Аллене, а потом к нам присоединяются Гарри и Лиам Бенедиктус. Гарри – уменьшительное от Гарриет. Она – финансист, он – брокер. Подавляем зевок. У них двое маленьких детей, и они заметно нервничают, но на любезности не скупятся. Лиам помешан на кинематографе и хочет, чтобы я рассказал о своей работе. Мы болтаем о всякой забавной чепухе из серии «старенькие родители и новые технологии». Я рассказываю, как моя чудаковатая мамаша шлет мне сообщения с рецептами для скороварки. А Эми говорит, что ее мать твердо уверена, будто «ЛОЛ» не может значить «ржунимагу» и расшифровывается «люблю, очень люблю». Все смеются и считают нас удивительно веселыми.

Временами разговор заводит нас в жуткие дебри, вроде колебаний котировок на американской фондовой бирже; тем не менее мы держимся. Никогда еще мы с Эми не были так открыты и честны друг с другом, как в этом говенном баре, под вымышленными именами. Каждая ложь делает нас ближе – практически единым целым. Эми врет, будто отец шлет ей кулинарные статьи Рейчел Рей. Нам самим хочет-

ся верить, что у нас нормальные родители, которые пишут забавные сообщения, звонят, любят нас и просят помочь с электронной почтой.

Подходит официантка и говорит, что освободился столик с диваном; если мы хотим, то можем попробовать на него втиснуться. Я хочу втиснуть Эми между ног кое-что другое, но она смеется. Она обожает диваны. Как и все женщины.

Пока мы пробираемся по залу, Эми шепчет:

– Правда здорово?

– Ага, – я киваю, – просто бомба!

Садимся рядом, бок о бок. Эми стучит по столу и начинает:

– Давайте сыграем.

Все мужики в зале хотят ее и с радостью променяли бы своих унылых телок на мою малышку. Но она моя!

– Любимая постельная сцена в кино. Я называю первой! У меня из «Города воров».

Я и так знаю: Эми не раз говорила, что лучше бы Бен Аффлек остался с Блейк Лайвли. Запускаю руку ей под юбку, она не против. Залезаю в трусы и хватаю за задницу.

Ноа восторгается новым британским актером с НВО – кто бы мог подумать?! – и отправляет на кухню недоваренные морские гребешки. Перл случайно опрокидывает на скатерть бокал сабли и сетует, что она совершенный шлемазл. Гарри мастерит украшения и продает их на «Итси». Официант возвращает гребешки, я пробую и киваю.

– Идеально, блеять.

Все хохочут над моей дурацкой шуткой. А я думаю, что мы могли бы дружить по-настоящему. Даже начинаю жалеть об обмане, хотя в глубине души понимаю: знай они, что мы – неудачники без высшего образования, работающие в торговле, в жизни не сели бы с нами за один стол. Крепче хватаю свою малышку за задницу – уж этого-то у меня никто не отнимет.

Эми утверждает, что я непременно покорю Голливуд, и Перл соглашается, находя, что у меня «как раз такое лицо». Ее муж смеется. Глаза Эми сверкают. Пожалуй, она сегодня немного обгорела. Боже, вот бы нажать сейчас на «паузу» и остановить мгновение! Гаснет свет, бегут титры... Именно то чувство, о котором поется в песнях, – когда вдруг понимаешь, что нашел своего человека и обратного пути нет.

Эми подмигивает мне и поднимается с дивана, чтобы заказать песню «Paradise City» от «Ганз 'н' Роуезз», однако неудачники на сцене ее не знают. Она хмуро возвращается и не произносит ни слова, пока наши новые суррогатные друзья обсуждают меню.

Целую ее в щеку.

– Моя сладкая.

– Ты чего?

Ласкаю ее и пробираюсь туда, где раньше были «джунгли».

– Я понял намек.

– Какой намек?

– «Paradise City» – как в наш первый раз, когда ты пригласила меня в джунгли.

Никакой реакции. Перл спрашивает, что мы будем: кальмары или мидии. Эми отвечает: всё. Она не помнит! Не помнит... Ладно, в конце концов, не всем же быть такими внимательными, как я. Может, и хорошо, что мы немного разные.

Наконец все выпито и съедено. Просим официанта принести чек. Эми тихонько выуживает парковочный талон у меня из кармана и говорит, что ей нужно припудрить носик. Я делаю вид, что мне звонят, и выхожу на улицу. Моя малышка уже ждет, официант подает кабриолет, мы падаем на сиденья в обнимку и уносимся в закат.

– Что-то мне не по себе. – Я успел проникнуться к Перл, Ноа, Лиаму и Гарри.

– Да брось, – отмахивается Эми. – Когда приходится делить чек, даже удобнее, если кто-нибудь свалит.

В номере мы снова забираемся в кровать с блюдом черники, и она ласкает меня черными от ягод губами, а я размазываю сладкий сок по ее груди. Мне хочется поговорить про нашу ложь, наших родителей, «Шарлотту и Чарльза», но она настаивает, что пора спать – завтра возвращаться в город. И в общем, она права, хотя мне жаль тратить на сон даже секунду нашего счастья.

Эми тихонько сопит, я выбираюсь из-под одеяла и иду на

террасу. В доме Сэлинджеров горит свет. К черту кружку!
Я больше не боюсь. У меня теперь есть партнер, и я готов
идти дальше.

5

Возвращаться всегда труднее. Мы оба слегка обгорели и перепили накануне. За лимонадом не заезжаем – настроение не то. Застреваем в пробке. Смеемся над вчерашними друзьями и вспоминаем, что так и не узнали марку простыней в отеле. Эми то и дело берет меня за руку, словно не веря самой себе, что я реальный, что я рядом, что я с ней. Это любовь. Это воскресенье. Когда мы въезжаем в город, она гладит мою шею и спрашивает:

– Не будешь сердиться, если сегодня я переночую дома?

– На тебя невозможно сердиться.

Сворачиваем на ее улицу. Я включаю поворотник. Эми смеется. То, что сначала парализовало ужасом, обернулось весельем: теперь мы всегда будем вспоминать, как нас оштрафовали на шикарном красном кабриолете. К старости у нас накопится целая куча таких шуток... Дождаться не могу! Въезжаю на парковку.

– Спасибо, – шепчет она и целует меня. – Ты – просто чудо, знай это.

Обнимаю свою девочку и вдыхаю ее запах. Сзади сигналят. Отмахиваюсь от нетерпеливых придурков. Эми вылезает.

Когда я возвращаю машину, парень за стойкой спрашивает, не было ли с ней проблем. И я с нескрываемым удоволь-

ствием отвечаю, что у нас вообще никаких проблем не было. Он смотрит на меня как на сумасшедшего, но я не обижаюсь, потому что действительно безумно влюблен.

На следующее утро лечу в магазин как на крыльях – чтобы скорее увидеть мою Эми. И рассказать ей, что нашел Перл, Ноа, Гарри и Лиам в Интернете. И спросить, смотрела ли она вчера «П@#уй нарциссизм», и если да, то что она думает о Кевине Харте. Мне не терпится узнать, какие на моей малышке сегодня трусики и побрила ли она ноги.

Ускоряю шаг, подхожу к магазину... Музыка в моей голове резко обрывается. Дверь приоткрыта. Когда Эми приходит раньше, всегда запирает дверь. Мистер Муни давно не показывается. Рывком открываю, вхожу. В воздухе кружится пыль. Втягиваю в себя запахи. Все чувства напряжены. Нас ограбили. Черт! А у меня было такое хорошее настроение после выходных...

Фиалки, которые я подарил Эми, валяются на полу, измятые и засохшие. Ваза вдребезги. Всюду разбросаны бумаги и книги. Моего ноутбука нет. Осторожно обхожу прилавков и достаю мачете. Тяжелое, тяжелее, чем я помню.

В полицию я не звоню – не все там такие растяпы, как Дженкс. Не стоит играть с огнем. Крадусь вдоль стеллажей, мимо разделов «Беллетристика» и «Биографии». Дверь в подвал распахнута. Тишина сводит с ума. Похоже, никого уже нет. Но если эти гады еще не успели убраться, я порежу их всех. Бесшумно спускаюсь вниз. Медленно, осторожно,

крепко сжимая в руке мачете. Но когда ступаю на последнюю ступеньку, не могу сдержать вскрик и роняю его на пол. Защищаться не от кого.

Тот, кто был здесь, уже ушел, зато оставил контейнер с черникой. На полу, там, где совсем недавно была стена из желтых корешков, теперь ничего, зияющая пустота.

Эми!

Она унесла всего Филипа Рота, не оставив мне даже одного экземпляра. И первое издание Йейтса забрала – то, за которое она отсасывала мне в «Старбаксе», с которого все и началось. Зато лежит «Шарлотта и Чарльз» в сладких черничных пятнах. Прямо у моего компьютера. Вместе с розовыми в цветочек ключами.

Я хватаю телефон и набираю ее номер. Конечно, абонент недоступен.

Падаю на колени и кричу от бессилия. Она ушла. Бросила меня. Обокрала. Обманула. Как последний идиот, я сам отпустил ее вчера. Купился на ее ложь. А она... Она, как только я отъехал, заявила сюда. Швыряю чернику в стену. Сука!

Поднимаю с пола ее грязную книжонку про великанов. Теперь-то я понял, о чем она. Нельзя доверять женщинам. Никогда! Открываю – и на первом же развороте ее каракули:

«Прости, Джо. Я старалась. К сожалению, мы и вправду слишком похожи. Оба пытаемся держать себя в руках. Теряем контроль. Храним тайны. Всего хорошего. С любовью,

Эми».

* * *

Общий ущерб составил около двадцати трех тысяч долларов. Точный список я пока не составлял, но думаю, выйдет не меньше. Эта сука знала, что братъ. С первого же дня знала. А я поверил... Расстрелять меня мало за такую тупость. Надо же так облажаться! «Мы слишком похожи». Чтоб меня! Чтоб ее...

Заморочила мне голову своими латексными перчатками и блядскими глазками. Никакая это была не любовь – ни здесь в клетке, ни в моей постели, ни в Литтл-Комптоне. Эта мерзкая паскуда прокралась сюда только ради того, чтобы обмануть меня. А я ей верил. Ключи сделал...

Хватаю ноутбук, захопываю гребаную клетку – доверчивый болван! – взбираюсь по ступенькам, запираю подвал – идиот несчастный, себя там запри! – и замечаю еще недоста-чу. Эта сучка порезвилась в моем самом нелюбимом разделе – «Театр» – и прихватила с собой пособия по актерской игре:

«Работа актера над собой»;

«10 способов покорить Голливуд»;

«Как пройти пробы»;

«Монологи для женщин», том IV.

Ты что, сука, издеваешься? Мерзкая, лживая, волосатая воровка!

Голова идет кругом. Не вела она никакие социологические исследования, не интересовалась реакцией общества на одежду с университетскими логотипами. И суррогатным друзьям в Литтл-Комптоне не врала. Она, мать ее, играла. Играла! Иначе зачем ей красть эту макулатуру?

Сажусь за прилавок и включаю ноутбук. Гнусная лгунья уверяла, что она вне системы и не смыслит в компьютерах, однако сумела-таки, мразь, удалить историю поиска. Аж зубы свело, как представил ее здесь за этим занятием. Думала перехитрить меня, сучка, но «Хром» не так-то прост. Она, похоже, тиснула первую попавшуюся кнопку, не обратив внимания, что стирает записи только за последний час. Я проматываю журнал, нахожу свои запросы – букинистика и мотели в Литтл-Комптоне – и читаю, что искала она:

«Импровизационный театр “Бригада народного гнева”, портфолио дешево, портфолио бесплатно, занятия в БНГ дешево, Бен Аффлек, самая дорогая букинистика, продам редкие книги, Филип Рот, цена прослушивания, кастинг, прослушивания для блондинок, снять квартиру в Голливуде».

Загрузки дура безмозглая тоже не удалила, так что я сразу нашел ее заявку на участие в мастер-классе по основам импровизации в БНГ и сценарий идиотской короткометражки со ссылкой на объявление в Интернете. Все ясно. Сучка решила попытать счастья в Голливуде. А звучит-то как противно – «попытать счастья в Голливуде»! Хуже, чем «активный серийный убийца» или «редкая неизлечимая болезнь».

Мне не терпится поймать ее, чтобы втолковать, какая она наивная дура.

Распечатываю историю ее поиска. Нет ничего унижительнее – понять, что тот, кто лучше всех тебя знает, меньше всех любит. Жалеет даже. Эта хитрая мразь видела, что я был одинок и подавлен. И мечтал о минете и подружке так сильно, что готов был разрешать ей снова и снова смотреть гребаный «Коктейль» в моей постели. Готов был дать ей ключи. Впустить в свое сердце. И ведь впустил. Исправить эту ошибку уже нельзя. Зато найти паскуду ничто мне не помешает. Найти и устранить.

Она за все ответит. Я не из тех, кого можно поймать и заткнуть детской книжкой про великанов. Я целовал ее соски, ласкал волосатую щель, а она использовала меня, злая, порочная сучка, не способная любить. Она просто-напросто опасна. Она – психопатка. Потому и телефоны постоянно меняет. Она – преступница.

Только вот с мозгами ей не повезло. Какой же надо быть тупой, чтобы решить, что достаточно стереть один час... Нет, детка! А кто тогда сотрет у меня из памяти украденные дни и ночи?

Она думает, что лучше быть вне системы. Хорошо. Пусть забирает жалкую чушь с собой в могилу. Сука!

Звоню в авиакасса и покупаю билет.

Прости, Эми. Ты проиграла.

6

Если меня и научил чему-то похотливый шарлатан доктор Ники Анжвин со своей чокнутой пациенткой-любовницей Джиневрой Бек, так это тому, что нельзя контролировать поступки других людей. Можно контролировать лишь свои мысли. И раз уж в моем доме снова завелась мышь, то и истреблять ее мне.

Я не сижу сложа руки. Сразу позвонил в БНГ, представился Адамом и попросил проверить мою регистрацию. Мне ответили, что имя в списке есть. Значит, Эми Адам на мастер-класс записалась.

Потом уведомил хозяина об освобождении квартиры – этой отстойной дыры, не видевшей ни одной нормальной женщины, только фригидных потаскушек, у которых вместо сердца холодный камень. Пора уносить отсюда ноги, пока я не превратился в одного из городских сумасшедших, пережеванных и выплюнутых Нью-Йорком. Не собираюсь больше сидеть за прилавком и ждать, когда новая смазливая тварь заявится в магазин и примется строить мне глазки. Хватит!

За окнами июнь, раскаленный город плывет в бессмысленном фекальном мареве. В Лос-Анджелесе сейчас тоже жарко, но солнце там не изнуряет, а ласкает, покрывает кожу золотистым загаром, как у «Бич бойз», кружит голову и не

досаждают в тени.

Сажусь в душный, вонючий вагон метро и еду к мистери Муни. Можно было, конечно, просто позвонить или написать ему, но все-таки нас многое связывает. Я чувствую, что должен попроситься лично. Наконец моя остановка, я выхожу, оставляя позади горланящих мексиканцев и шалав, делающих селфи.

Из магазина на углу вылетает парень в костюме, радостный, возбужденный, полный надежд, с розами. Идиот! Захожу к мяснику и беру любимых сосисок мистера Муни. Надеюсь, он не станет реветь. И не вздумает запереть меня у себя в подвале. Поворачиваю за угол и стучу в дверь.

Он не здоровается и не улыбается.

– Только не говори, что нас снова обокрали.

– Увы, нет, мистер Муни, – смеюсь я.

В прошлый раз, когда я позвонил и сообщил ему об ограблении, он откровенно обрадовался и заявил, что «нет ничего в мире чудеснее страховки».

– Тогда что случилось?

– Ничего. – Я снова улыбаюсь и протягиваю ему сосиски. – Хотите есть?

Он распахивает входную дверь и впускает меня внутрь. В доме пахнет кошачьей мочой и старухами, хотя ни домашних животных, ни жены у него нет. На плите жарится яичница, орет радио. Мистер Муни закидывает сосиски в старый холодильник и спрашивает:

– Будешь кофе с молоком?

Нет.

– Конечно.

Он берет банку и трясет ее, потому что содержимое давно слиплось в один комок. Ставит передо мной обитый стакан и бубнит что-то про подушку, которую купил, поведясь на рекламу, а потом не смог вернуть в магазин, так как прошло уже тридцать дней. Жалуется, что яйца на рынке жутко подорожали, потому что их, видите ли, возят с местной фермы.

– Наоборот, они должны были подешеветь, – кипятится мистер Муни и трясет морщинистой рукой.

Не хочу оказаться таким, как он, – одиноким, ворчливым сквалыгой, покупающим никчемные подушки в «Магазине на диване» и жарящим яйца на вонючей кухне. Но и представить себя снова влюбленным я не могу.

Мистер Муни выключает плиту и садится ко мне за стол. Яичница у него в тарелке пережарена и блестит от жира. Масла он не жалеет, а сковороду не мыл, похоже, с 1978 года.

– Чем обязан такой чести?

Делаю глоток кофе, усилием воли сдерживая рвотный позыв.

– Ну... Я решил переехать в Лос-Анджелес.

Он рыгает, из рта вылетают слюни и ошметки яиц.

– Как ее зовут?

– Кого?

– Девчонку. За которой едешь.

Я теряюсь на секунду, а потом рассказываю про Эми и про то, как она скрыла от меня свои планы стать актрисой. Про кражу, естественно, умалчиваю.

– Без девицы не обошлось. – Кивая, мистер Муни собирает пальцем кетчуп с тарелки и облизывает. – Будь умнее – отпусти ее.

Мотаю головой:

– Я должен ее найти.

– Переверни мир набок – и все, что не удержится, оседет в Лос-Анджелесе.

– Это Фрэнк Ллойд Райт сказал.

– И был прав! – Мистер Муни фыркает, поднимается из-за стола и бросает губку в раковину. – Лос-Анджелес – гнездо порока, Джозеф. Средоточие слабоумия. Источник зла. Вулкан тупости американской нации. Умным людям там не место. Вот почему сейчас даже по гребаному ящику смотреть нечего. Держись оттуда подальше.

А еще он будет по мне скучать.

– Я оставлю вам свой электронный адрес, чтобы быть на связи.

Хватает мою тарелку и ставит на свою. Если я сейчас предложу помыть посуду, он взорвется.

– Чушь это все! Пообещай, что не потратишь свою жизнь на чертовы компьютеры.

Я говорю, что мы скоро увидимся.

– Откуда тебе знать? – отвечает мистер Муни, придавли-

вая ботинком выскочившего из-под стола таракана. – Дверь запри, а то эти чертовы скауты совсем обнаглели.

* * *

Моя квартира пуста. Все вещи – книги, одежда, подушка, компьютер – в старой отцовской спортивной сумке, которую я никогда раньше не доставал, потому что никогда раньше не уезжал так далеко.

В дверь стучат. Я открываю, не заглядывая в глазок, – наверное, хозяин пришел ругаться по поводу дырки в стене. Однако на пороге не он. А мистер Муни. На носу у него темные солнечные очки, за которыми не видно глаз.

– Последний совет, – выдает он. – Пусть тебе сосут.

– Хорошо.

– Пусть тебе сосут. Не спи с актрисами. Не трать время на пафосные забегаловки. Не смотри часто кино. Не ешь много овощей. Не говори «курогрудь». Не ходи в бассейн, там холодно и грязно. Не плавай в океане, там холодно и грязно. Не заводь ребенка: родится девочка, станет шлюхой.

– Понял.

Он пялится на мой выключенный из розетки холодильник.

– Магазин закрыт?

– Да, – рапортую я. – Заперт.

– Хорошо. – Он кивает и улыбается. – Может, я тоже сбе-

гу.

– Хотите войти? Присядете?

Но сидеть негде. Он запускает руку в нагрудный карман, выуживает оттуда пухлый конверт и протягивает мне.

– Я не могу это взять, – протестую я.

– Можешь. Тебе пригодится, – отрезает мистер Муни и семенит вниз по лестнице.

Не знаю, увидимся ли мы снова. Беру сумку, засовываю ключ под дверь. Толстый сопляк на первом этаже спрашивает, куда я собрался.

– В Калифорнию.

– Зачем?

– Чтобы сделать мир лучше, – отвечаю я и даю ему стопку книг – конечно, не редких, но очень важных. Парень благодарен, я благороден. Он тут же принимается листать «Повелителя мух».

Я не соврал: мир станет лучше, когда Эми, связанная по рукам и ногам, медленно опустится на дно бассейна. В Калифорнии.

В самолете я не читаю. И кино не смотрю. Я сижу в «Фейсбуке». Да, теперь у меня тоже есть страница, и я зарегистрирован там под собственным именем – Джо Голдберг. Не думайте, я не поступился принципами и не поддался всеобщей истерии. Я пошел на это сознательно, ради четко осознанной цели. Я – охотник, отслеживающий добычу, и мне нужны проводники на этой опасной тропе, пролегающей сквозь район Франклин-Виллидж на Голливудских холмах Лос-Анджелеса. И еще мне нужен камуфляж и друзья (что ж, все мы люди и время от времени нуждаемся в помощи). Доминику Торретто из «Форсажа» тоже пришлось объединиться с О’Коннером, чтобы бороться с плохими парнями. В одиночку они никогда не выследили бы бразильского наркобарона, так и мне одному не найти Эми. Поэтому я, «Джо Голдберг, писатель», обратился к начинающим актерам из БНГ, и они с радостью добавили меня в друзья и рассказали много интересного: о местной химчистке, «Тиндере»³, своих кедах, своих прослушиваниях и своей новой знакомой Эми «Офлайн».

Самым полезным оказался парень по имени Келвин, который работает продавцом в букинистическом рядом с театром БНГ. Он разместил объявление о поиске напарника, и я,

³ «Тиндер» – популярнейшее в мире мобильное приложение, созданное для завязывания знакомств.

конечно, сразу написал ему. Думаю, место будет моим, потому что «ни у кого из его знакомых нет опыта работы кас-сиром». Я спрашиваю, доводилось ли ему держать в руках «Случай Портного» Филипа Рота (возможно, Эми уже начала распродавать свои запасы). Он отвечает:

«ЛЮЛ чувак редкие книги у нас редки. К нам стекается всякое дерьмо, когда кто-то сваливает отсюда или родаков хоронит. Или разводится и делит имущество. В основном одна макулатура чувак, хорошо если хоть пару баксов за нее срубишь».

Помимо аккаунтов в «Фейсбуке» и «Твиттере» у Келвина есть собственный веб-сайт, где он выкладывает о себе все, что только можно.

Он начинающий писатель-актер-режиссер-продюсер-музыкант-комик-импровизатор. Это ж насколько надо быть неуверенным в себе, чтобы наставить столько дефисов?! Он фанатеет от Хендерсона, Марка Марона, подтяжек, бород, «Тиндера», бекона, сериала «Во все тяжкие» и хлама из восьмидесятых. В Бруклине этот парень работал бы в брендинговом агентстве, притворялся неимушим, а по ночам проверял свой накопительный пенсионный счет. А Келвин живет в Лос-Анджелесе и держит специальный счет на «Пэй-Пэл», куда «фанаты» могут закидывать ему деньги на аренду квартиры. Нет, уважать такого человека я никогда не смогу, но с ним легко, и он безумно мне благодарен, что я согласился подменять его на время проб.

Прошу стюардессу принести диетический спрайт с водой. И завожу следующее полезное знакомство: престарелый начинающий стендап-комик Харви Заглотус. Подаю заявку на аренду квартиры в жилом комплексе «Голливудские лужайки» неподалеку от театра. Харви работает там менеджером, и когда я отправляю ему сообщение, он приглашает меня в друзья (и фанаты) на «Фейсбуке». Чертов Голливуд! Харви – местная копия моего бывшего напарника Итана, любителя восклицательных знаков, и тоже не стесняется вываливать всю подноготную в Интернет. Оказывается, Харви Заглотус – псевдоним (кто бы мог подумать!), который он взял, переехав в Лос-Анджелес в «самом расцвете лет», а именно в пятьдесят семь. Его коронная фраза: «Прав я или... абсолютно прав?» Вместе с другими неудачниками он заваливает «Инстаграм» фотками с хэштегом #ретро_четверг – из прошлой жизни в Небраске, когда у него были жена, приличная работа страхового агента и кипа сводящих с ума желаний. Себе на заметку: держать желания в узде, иначе они сожрут мозг, заморочат сердце, и все кончится тем, что придется рассказывать несмешные шутки с грязной сцены в полупустом подвале скучающим бездельникам.

Шутки Харви не приносят ему ни славы, ни денег, поэтому он работает менеджером «Голливудских лужаек». Надо сказать, это чудесное место – то, что мне нужно сейчас, чтобы развеяться и сменить обстановку. Закрываю «Фейсбук» и листаю фотографии моего нового дома: есть бассейн (мож-

но утопить Эми), джакузи (заживо сварить ведьму), комната отдыха (проткнуть мразь бильярдным кием) – причем в пешей доступности от театра, магазина и грязной, лживой воровки, которая скоро за все поплатится.

Она презирает «Фейсбук», но в Эл-Эй начинающей актрисе без агента, друзей и связей не пробиться. Сучка наверняка полезет на сайт бесплатных объявлений. Как рассказал мне Келвин, там то и дело размещают информацию о прослушиваниях, и все желающие отправляют свои фотографии и резюме.

Я регистрируюсь и пишу объявление, призванное зацепить раздутое, самонадеянное эго грязной обманщицы.

«Ты выше и симпатичнее, чем твои подружки? Независимая киностудия ищет актрису на главную роль: сногшибательную блондинку, рост 170–180 см, 25–30 лет. К ответу прилагайте фото и резюме».

Не проходит и пары минут, как мне на почту начинают сыпаться ответы. Работает! Когда я открываю их, у меня дрожат руки. Попадаются обнаженные, страшные, шикарные, а лживой суки все нет.

Заказываю еще одну водку с диетическим спрайтом. Через проход две девушки обсуждают боди-балет (они его любят), углеводы (ненавидят) и режиссеров (мечтают познакомиться). Интересно, Эми тоже станет такой? Если, конечно, я не доберусь до нее раньше. Мне хочется посмеяться вместе с ней над этими дурами из самолета, но еще больше хочется

наорать на нее и наказать за все зло, которое она мне причинила. Пока не могу... Открываю текстовый редактор и в бессильной злобе стучу по клавишам:

«Дорогая злая и подлая тварь, зачем ты влезла в мою жизнь вместе со своими гребаными перчатками, черникой и прочим говном? “Коктейль” – дерьмовый фильм, потому что главный герой – пустой меркантильный тип, который не заслуживает счастья, но в конце получает все. Ты думаешь, что впереди у тебя блестящее будущее. Как бы не так! Ты мерзкая волосатая тварь, и даже когда бреешься, на ногах все равно щетина. Зря ты обманула тех чудесных людей в Литтл-Комптоне: они лучше тебя. Черника – тошнотворная дрянь, а ты сдохнешь. Тебе не мешало бы подстричься, и ноги у тебя слишком длинные. И твоя гладкая нежная кожа – лишь бессмысленная обертка, потому что под ней нет сердца. Ты трусливая, лживая пустышка, иначе б ты была на “Фейсбуке”. Выкуси, сука! Ты не особенная. Ты – труп».

Женщина средних лет, сидящая в соседнем кресле, стучит по моему откидному столику и показывает на ноутбук:

– Вы – писатель?

Я сохраняю документ и закрываю его.

– Да. Это монолог для моей пьесы.

Снова тычет в экран:

– И режиссер? Кастинг-директор? Я видела фотографии.

– Ага, типа того.

Надо же быть такой бестактной!

– Знаете, – продолжает женщина как ни в чем не бывало, – моя племянница живет в Северном Голливуде. Она безумно талантливая. Посмотрите сами – Гретхен Вудс точка «ком».

И не отстанет ведь!.. Пускаю в ход тяжелую артиллерию: говорю, что снимаю фильмы для взрослых. Фыркает и отворачивается к окну. Может, хоть теперь перестанет рассказывать направо и налево, как найти ее маленькую племянницу в Интернете. Но она подала мне идею. Я притворюсь писателем, сочиняющим историю «Кевин и Минди вместе навсегда», про нас с Эми и про наш последний уикенд в Литтл-Комптоне. В первой сцене Эми будет говорить, что больше не может спать одна в своей постели, а в последней (все уже догадались) она умирает. Страшной смертью.

Заказываю еще водки и снова захожу на «Фейсбук». Один из знакомых Келвина, некий Винстон Баррел, пригласил меня в друзья. Причем меня даже не знает! Естественно, я добавляю его – и тут же получаю приглашение на комедийное шоу, как и еще 845 других его «друзей». Прекрасно. Когда я столкну тело Эми в бездонный бассейн и обставлю все как несчастный случай – ах, сладкие мечты! – меня никто и не заподозрит, потому что я буду нормальным. Я буду как все. В наши дни, если у человека нет хотя бы 4355 друзей на «Фейсбуке», его считают злобным психопатом – будто социально активные граждане не способны на убийство. Мне нужны друзья: когда Эми неожиданно исчезнет, они будут делать большие глаза и в один голос твердить, что такой сим-

патичный, общительный парень, как Джо, руку ни на кого поднять не способен. Нельзя быть букой и одиночкой. Именно такими обычно изображают убийц в новостных программах, и всем плевать, сколько жен на самом деле погибло от рук добродушных мужей-весельчаков. Массовое сознание! Америка!

Еще раз просматриваю список друзей из Лос-Анджелеса. Они, как дети, живут надеждой. Люблю их за это. И ненавижу. И еще завидую: они не тратили юность на старые книги, не гнили в подвале, не тряслись в подземке, не дышали выхлопами. Люди едут в Эл-Эй за счастьем и успехом, не стесняются дерзких желаний и верят в силу общения, потому что «все решают связи».

Честно говоря, мне даже нравится на «Фейсбуке». Выкуси, Эми! Прости, Бек... Там ощущаешь себя центром собственной вселенной. К тому же люди забавные, вроде кошек, – за ними прикольно наблюдать. Они тратят свои дни рождения в Интернете, отвечая на дежурные поздравления, потому что если б не «Фейсбук», про них вообще никто не вспомнил бы.

Лайкаю «Форсаж», чтобы не казаться занудой, и пишу Эми: «Милая сучка, “Фейсбук” спасает людей от одиночества. Будь проклята. С любовью, Джо».

Пилот сообщает, что мы начинаем посадку. Я подаюсь вперед и гляжу на Лос-Анджелес сквозь крошечный иллюминатор. Город похож на паутину и, как заросли в трусах

у Эми, расползается во все стороны. Улыбаюсь. Эми думает, что она «вне системы», но у нее в чемодане редкие книги, которые незаметно не сбудешь, и мечты, которые не воплотишь без общения в Интернете. Я найду ее. Хочется разбить стекло и приземлиться с парашютом прямиком во Франклин-Виллидж, где засела эта сучка. Нельзя: тогда она меня увидит, а это все равно что перед выстрелом во время охоты сказать дичи: «Эй, псст, я здесь».

8

В аэропорту Лос-Анджелеса играет дурацкая песенка «Tom Tom Club» о девице, которая воображает, как пустилась бы во все тяжкие, выйдя из тюрьмы. Меня чуть не сбивает с ног размалеванная студентка с огромным чемоданом. Все толкаются и лезут напролом. Туристы с безумными глазами стадом несутся к багажной ленте, где был замечен Шон Пенн. В Нью-Йорке такая давка бывает только в метро и на распродажах; в Лос-Анджелесе люди дерутся за возможность коснуться звезды – старого похотливого алкоголика.

Проверяю почту – уже два сообщения.

Одно от Харви: «Ого у тебя идеальная кредитная история. Обычно сюда приезжают голодранцы».

Черт! Видимо, это мой крест – общаться с людьми, пренебрегающими правилами пунктуации.

Другое от Келвина: «В зале есть блю-рей можешь притащить с собой пару фильмов».

Как они тут работают? Вот у меня в магазине, например, во время смены запрещено отвлекаться.

Ловлю машину, водитель забивает в навигатор адрес «Голливудских лужаек». Интересно, Эми тоже ехала на такси? Или на автобусе? И еще интересно, когда же я наконец прекращу постоянно о ней думать. Хочется секса. Выезжаем на бульвар Ла Сьенега, и от гламурного блеска начинает

резать глаза. По улицам как ни в чем не бывало посреди бела дня разгуливают девицы в откровенных вечерних нарядах и болтаются карикатурные бездомные, как из комедии «Без гроша в Беверли-Хиллз». Когда сворачиваем на Франклин-авеню, сердце заходится – Эми, Эми, Эми. Дрожащими руками открываю дверь, делаю шаг из машины и... тут же вляпываюсь в свежее собачье дерьмо.

– Черт!

Голова гудит от солнца и водки. Водитель смеется.

– Привыкай, здесь любят песиков, чувак.

В реальности «Голливудские лужайки» выглядят как трущобы из фильма «Карате-кид». При входе горит вывеска «ПОМЕСЯЧНАЯ АРЕНДА». Когда я поднимаюсь по лестнице, из-за дверей тесных маленьких квартирок доносится лай. Интересно, может, за одной из них скрывается Эми? Скоро узнаем. В Нью-Йорке эта лживая бродяжка снимала комнату с понедельной оплатой. Надо было сразу заподозрить неладное. Да, когда в штанах эрекция, в голове ветер.

Харви выглядит старше, чем на фотографиях. На его воцеленные изогнутые брови смотреть противно. Я не перебиваю, когда он начинает болтать о своих выступлениях, и соглашаюсь с ним выпить. Он радостно сообщает, что моя квартира на первом этаже, рядом с его офисом. Я судорожно перебираю в голове вежливые отмазки на будущее, чтобы избежать его общества.

– Должен предупредить тебя, новобранец, – говорит он,

хлопая меня по плечу. – Это не Нью-Йорк. Будешь переходить улицу в неподобающем месте – влепят штраф.

– Я слышал, что в Эл-Эй не любят пешеходов, но это же просто смешно.

Харви расплывается в улыбке.

– Вот именно «просто смешно». Я точно так же сказал, когда увидел в первый раз Джо Рогана по телику. Прав я или абсолютно прав?

Разговоры о телевизионных комиках – ниже падать просто некуда, и поддерживать их – все равно что смеяться, когда ребенок ругается матом. Поэтому я меняю тему:

– Судя по вывеске снаружи, жильцы тут надолго не задерживаются?

– Мечты, знаешь, не всем удается воплотить. А что, есть друзья, которые ищут квартиру?

– Ага. – Теперь надо действовать осторожно. Если я скажу, что ищу Эми Адам, то, когда она исчезнет, подозрение падет на меня. – Есть у меня одна знакомая... Только она одна никогда не селится, предпочитает подселиться.

У этой пиявки никогда не было собственной квартиры.

Харви кивает:

– Если бы мне давали по пять баксов за каждую цыпочку, которая согласна спать на раскладушке, лишь бы платить половину... – Он мотает головой. – Я мог бы этими пятерками все стены у себя обклеить. Прав я или абсолютно прав?

Харви знакомит меня с жильцом по имени Дез. Типичный

бандюган. Живет, как и я, на первом этаже и выглядит как четкие пацаны из клипов Эминема 2000-х годов. У него есть собака Литтл Ди и важное напутствие для меня.

– Не трахай. Дилайлу. Прилипнет.

– Обещаю.

Это полезное знакомство. Мне пригодится человек, свободно владеющий языком калифорнийских «падонков» образца девяностых и знающий, где достать ксанакс и наркотики.

Харви вытаскивает ключи от моей квартиры и сообщает, что парни тут не слишком тактичные, а Дилайла – милая и дружелюбная девушка (то есть озабоченная и распутная в переводе на человеческий язык).

– Я тут, знаешь, типа ведущего ток-шоу, все приходят и вываливают свои проблемы. Так что не стесняйся, брателло. У нас все по-простому, как в «Гриффинах».

– Обязательно, – вру я.

– Прав я или абсолютно прав?

Сколько можно? Похоже, он сам себе приплачивает, чтобы повторять эту дурацкую фразу не реже двух раз в час.

В моей квартире воняет тухлыми апельсинами и курицей. И все вокруг розовое. Девушка, которая жила тут до меня, Брит, – съехала спешно и не по своей воле.

– Родители нагрянули, – поясняет Харви и включает розовую лампу, высвечивая на стене репродукцию Кандинского. – Половину их денег она спустила на то, чтобы сделать

себе новый нос, остальное – на то, чтобы набить его кокаином. В конце концов из него хлынула кровь, и она загремела в больницу. – Качает головой и гладит вызывающе розовый диван. – Из этой истории должна получиться отличная шутка. Надо раскрутить... А тебе, брателло, крупно повезло: и диван, и курица, и телик – все в твоём распоряжении. Родители велели выкинуть, но зачем же разбрасываться хорошими вещами...

Один плюс – в «Икею» ехать не придется.

– Конечно. Супер! – поддакиваю я.

Харви хватает мусорное ведро.

– А вот тухлятину я, пожалуй, выкину. Ты не возражаешь, брателло?

Получилось почти забавно – в первый раз за все знакомство.

На кухонном столе новенький набор фирменных ножей от Рейчел Рей. Достаю один – острый. Пригодится. Только рукоятки больно веселенького оранжевого цвета. Заваливаюсь на диван. Чехол измазан тайским соусом и засохшей спермой. Кандинский напоминает о Нью-Йорке, Нью-Йорк – о сексе.

Раздается стук в дверь, и в комнату вламывается девица, похожая на тех, что я видел из окна такси: на каблуках, размалеванная, в обтягивающем платье. Секси, конечно, но не настолько, как ей кажется. Такой человек мне тоже здесь нужен. И желательно без трусов, с раздвинутыми ногами пря-

мо здесь и сейчас.

– Спокуха! Я Дилайла. Пришла за своим блендером.

Еле удерживаюсь, чтобы не рассказать, как ее за глаза называют липучкой. Впрочем, тархтит она как пулемет, так что даже при желании слова не вставить. Работает Дилайла в ночную смену (как поговаривают), живет прямо надо мной – «заранее извини за шум, стены здесь бумажные» – и хочет забрать блендер, который ей обещала эта «чертова кокаиновая шлюшка». Без стеснения заглядывает подряд во все шкафы и с грохотом захлопывает дверцы.

Она кипит от ярости. Может, догадывается о всеобщем заговоре против ее вагины? Тычет в Кандинского.

– Вообще-то это тоже мое. Но, похоже, картинка в твоём вкусе, да? Поди, даже знаешь, кто художник?

– Эндрю Уайет⁴.

– Молодец, не то что Брит. Харви «Заткнитесь» рассказал о ней?

Ясно, значит, тут у всех есть погоняло.

– Немного. Как я понял, печальная история.

Дилайла сообщает, что Брит явилась в Эл-Эй, чтобы стать актрисой, но кончила шлюхой.

– Ее в Вегас пригласили. Она еще меня с собой зазывала. Говорила, повеселимся на халяву, отдохнем – и домой.

⁴ Эндрю Ньюэлл Уайет (1917–2009) – выдающийся американский художник-реалист; практически полная противоположность абстракционисту В. Кандинскому.

– Хм.

– Вот-вот. Я даже сумку собрала. Нет, конечно, лететь не собиралась, хотела просто посмотреть, вдруг в аэропорту будут знаменитости, про которых я смогу написать. И вот я такая приехала, а она мне и говорит: «Ой, кстати, реши, с кем будешь спать. Можно всего двух выбрать, ничего страшного».

– И кого ты выбрала?

– Ха, – отвечает она невозмутимо. – Вот уж дудки. Я сказала, что если она сядет на самолет, сразу позвоню в полицию и ее родителям.

– Позвонила?

– Нет, конечно. Через пару дней встретила ее в аэропорту, отвезла в «Баскин Роббинс» и дала выплакаться.

Иду на кухню и достаю блендер из шкафа над холодильником. Дилайла осматривает меня с головы до ног.

– Зовут-то тебя как?

– Джо Голдберг. А тебя?

– Я же сказала.

– Ну да. А по-настоящему?

Вздыхает.

– Мелани Крейн. Но теперь все в прошлом. Нет больше той неудачницы, которая вылетела с факультета журналистики из-за романа с женатиком из «Нью-Йорк таймс». – Она пожимает плечами. – Теперь я тайный репортер и литературный негр. Вот за что я люблю Лос-Анджелес. Тут можно

начать жизнь с чистого листа. Оставить прошлое позади.

Неудачницы все так думают, и Эми не исключение. Она тоже надеется оставить прошлое – меня! – позади. Не тут-то было, дурочки. В прошлом остается лишь то, что прошло и уже не болит.

– Дай мне свой номер, – требует Дилайла, отмывая блендер. – Возьму тебя как-нибудь с собой на вечеринку – меня часто приглашают. Хоть город посмотришь. Местные только в «Птицы» и «Ла Пубелль» таскаются. Скука. – Она вздыхает и принимается объяснять, что первая забегаловка вполне гостеприимная и прикольная, а во второй, французской, тусуются в основном хипстеры.

Мне вдруг вспоминается эпизод из сериала «Офис», когда герой Б. Дж. Новака сначала заявляет, что не намерен вливаться в коллектив, а потом случайно забывает сырную лепешку в духовке, устраивает пожар и получает кликуху, как и все прочие обитатели офиса, – «Поджигатель».

Я не из тех, кто ходит в забегаловки или хипстерские кафе, поэтому диктую Дилайле телефон. Она может мне пригодиться.

– А вообще, я лицемерка, – смеется она (интересно, в Эл-Эй все озвучивают о себе то, что в Нью-Йорке предпочитают хранить в тайне?). – Я ведь часто бываю в «Птицах». У меня даже татушка есть со строчкой из их фирменной песни. Мне нравится заканчивать там вечер, после всех тусовок.

Она наклоняется вперед, задирает платье и слегка раздвигает

гает ноги, чтобы я мог прочесть слова, выбитые у нее на внутренней стороне бедра, гладко выбритого, покрытого автотагаром. Это «Don't Stop Believin'» группы «Джорни», за- тасканная до тошноты в «Клане Сопрано», «Лузерах» и во всех барах Америки.

– Знаю, песня – отстой, – говорит она и хлопает меня по макушке, чтобы я отодвинулся. – Но здесь не проживешь, если перестанешь верить.

Дилайла почти особенная. А для девушки хуже нет, чем быть «почти» – почти красивой или почти умной. Есть в ней какая-то незавершенность, неуверенность. Эми совсем дру- гая. Ей все дается легко: она выше, симпатичнее, сексуаль- нее, умнее. Будет преспокойно сидеть перед тобой нога на ногу, с немой головой и есть чернику из контейнера. Да- же если эти двое познакомятся, подругами точно не станут. Дилайла – девушка, которая пытается; Эми – которая берет. Правда, теперь я знаю, что первое лучше.

Повисает молчание. Стоит мне сделать шаг, и мы будем вместе: я помогу ей избавиться от бесполезных надежд, тя- нущих вниз, а она избавит меня от Эми. Но я не хочу избав- ления. Я хочу мести, а Дилайла хочет свой блендер. Машет «пока». Выходит и закрывает за собой дверь. Занавес.

Скачиваю альбом «Джорни». Представляю гладкое бедро Дилайлы, прижатое к моему лицу, и кончаю прямо на розо- вый диван. Потом принимаю душ, влезаю в джинсы (прин- ципиально не стану носить шорты), натягиваю футболку, вы-

гребаю из холодильника протухшую жратву (не хватало еще подхватить заразу) и выкидываю в мусорку. Проходя мимо стеклянной коробки, в которой находится офис Харви, заглядываю внутрь. Старик делает селфи, а мое мусорное ведро стоит на полу (вот гад, так и не вернул). В Нью-Йорке я месяцами мог не встречать соседей. Здесь же все хотят быть на виду. И это желание так ослепляет, что люди ничего не замечают вокруг. Харви даже не обратил на меня внимания, когда я проскользнул мимо его двери и вышел на охоту.

Маленькая жадная, эгоистичная сука и дня не может прожить без своих суперфруктов. Поэтому первый пункт моего маршрута – местный гастроном «Кладовка». Не знай я, что это продуктовый магазин, принял бы его за музей современного искусства – с неоновыми огнями, кусками искореженного металла и старыми деревянными вывесками. На полу какие-то упругие маты, на ценниках – рукописные завитушки, под потолком – лампы накаливания. Гремит музыка: Донни Хэтэуэй, Саманта Фокс, братья Эверли, DMX – улетный ретромикстейп. Я шазамлю песню за песней, потому что все классные.

Реши режиссер Кэмерон Кроу открыть свой гастроном, тот выглядел бы именно так. Свет приятный, приглушенный, как в ночном клубе. У каждого прохода свое прикольное название. Там, где выложены книги, – «Лучших берут в кино», где сэнки – «Мама не разрешит☺», где специи – «Сержант Пеппер», где выпечка – «Вкусные пустые калории», где собачий корм – «Бескорыстная любовь» (там, кстати, больше всего народу), где детское питание – «Почти бескорыстная любовь».

Многие покупательницы такие же, как Эми: долговязые, всклокоченные, с полными корзинами суперфруктов. Здесь-то мы и встретимся, я уверен. Однако в отделе органических

продуктов («Просто любим») ее нет, как и в отделе более дешевых массовых товаров («Надо же платить аренду»). Игрет песня «Talking 'Bout My Baby». Где это видано, чтобы в продуктовом включали Фэтбоя Слима?! Мне здесь определенно нравится, черт побери. Вот уж не думал...

В цветочном отделе («Извини/люблю») пусто. Что, никто не влюбляется? На полках стоят орхидеи, розы и... фиалки. Пронзительно синие с фиолетовым отливом – не то что в Нью-Йорке.

Кругленькая мексиканка в голубой спецовке подмигивает мне, проходя мимо.

– Они крашенные, сэр.

Ботанический эквивалент силиконовых сисек. Благодарю за подсказку и двигаюсь дальше. Поразительно, насколько все вокруг счастливые.

Звякает телефон. Шесть сообщений, одно за другим. И все фотографии. И все от Дилайлы. Открываю – приглашения на голливудские вечеринки (вместе с полными адресами, советами по парковке, логотипами корпоративных спонсоров и датами). Глазам своим не верю: одно из них на попойку в доме Хендерсона. Вот это да! Хочется убить самого себя за шальную мысль, неизвестно из каких параноидальных глубин сверкнувшую в мозге, – «вот бы Эми обрадовалась».

Пишу Дилайле:

«Спасибо. Подумаю».

Отвечает:

«Передавай привет Келвину».

Замираю как вкопанный. Я не говорил ей про книжный.

Быстро набираю:

«Что?»

Она:

«Мы знакомы. Я заглянула к нему по пути на работу. Он классный. Не вешай нож».

Через десять секунд прилетает:

«Ха! Не вешай нос. Обожаю автокоррекцию».

Дура! Ничего не отвечаю. Сворачиваю в отдел «Отморозки», где выложены фасованные полуфабрикаты и дорогушие быстрозамороженные овощи, – и натываюсь на Адама Скотта. Обожаю его по сериалу «Жгучая любовь» и фильмам «Сводные братья» и «Дети сексу не помеха». Ладонки мои потеют, сердечко колотится. Похоже, я становлюсь как местные. Те, кстати, уже начеку: начинающая актриса пожирает его взглядом и строчит что-то в смартфоне; придурковатый парень застыл, не донеся пакет со спаржей до корзины; две старшеклассницы хихикают и пытаются его сфоткать. И тут меня озаряет: социальные сети гребут всё подряд, как трал. Надо увеличить охват: одного «Фейсбука» недостаточно.

Вытаскиваю телефон, устанавливаю «Твиттер» и «Инстаграм». Честно говоря, это дается мне с большим трудом. Причем дело тут не в прошлом и не в скрытых тайнах, а во мне самом. Я и представить не мог, что когда-то пойду на

такое. Подписываюсь на Адама Скотта в «Твиттере» и ищу по тэгу с его именем. Куча свежих записей. Ого! Оказывается, здесь сейчас еще и Джошуа Джексон со своей горячей подружкой.

«Божечки, только что видела милашку Пейси #бухтаДосуна #кладовка #люблюЭл-Эй».

«Адам Скотт жжот? Да! Причем так ащки, что потекли все холодильники в магазине. В каком, не скажу #завидуите».

«Диана Крюгер слишком красивая #нечестно #увидеть_звезду #они_всюду».

«Это Эл-Эй, детка! Заходишь в магазин и понимаешь, что ты #лузер #кладовка #адамскотт #джошуаджексон #дианакрюгер #сто_лет_ни_одного_контракта».

Оборачиваюсь: у прилавка с широкой улыбкой стоит Джошуа Джексон – совсем рядом, даже потрогать можно. Нет, люди определенно идут сюда не за продуктами (цены тут драконовские); они ищут звезд, как я ищу Эми.

Подхожу к парню в спецовке, раскладывающему персики.
– Бро! – мимикрирую под местного. – Слышь, без обид, откуда такие цены?

– Сам офигеваю. Я закупаюсь в «Ральфс» в Вест-сайде. Там на пять баксов можно пятьдесят буррито взять. Только между нами, чувак.

– Обижает... – говорю я и раскидываю свою сеть. – Я то же самое твержу своей телочке, а она знай сюда таскается

и спускает мои бабки на ягоды и органические консервированные супы. Стерва не сознается, а поймать ее за руку я не могу – мы работаем в разные смены.

Он смеется. Его зовут Стиви, он актер и барабанщик и с удовольствием готов мне помочь. Спрашивает, как выглядит моя телочка.

– Охрененно. Длинноволосая, длинноногая блондинка с голубыми глазами в университетских шмотках, джинсовых шортах и огромных ярких кроссовках. Ни с кем не спутаешь. Она как лебедь среди местных куриц, разряженных в выпендренные платья или в спортивные костюмы типа «я не работаю, а только качаю задницу».

Стиви говорит, что припоминает кого-то похожего.

Спрашиваю, когда он последний раз ее видел.

В выжженном наркотиками мозге начинают шевелиться уцелевшие извилины, и наконец он выдает:

– Около трех дней назад. С подружкой. Они были под мухой и ели чернику прямо с лотка. Я предупредил, что придется заплатить, и они сбежали.

Верный след.

– А подружка как выглядела?

Пожимает плечами:

– Я пялился на твою. Правда классная.

Даю Стиви пять. Он предлагает в следующий раз, когда Эми появится, скинуть мне сообщение. Я благодарю, но отказываюсь: у него и так полно работы. Он настаивает – ему

«по приколу».

– Не забудешь?

– Обещаю, чувак.

– По рукам, – соглашаюсь я. Обмениваемся номерами, и я закидываю в корзину рисовые хлебцы, молоко, пару банок органического супа и ветчину из индейки.

Когда расплачиваюсь, кассирша улыбается во весь рот и выдает:

– Рэй и Дотти шлют тебе свою любовь.

– Что?

Обколотая ботоксом мамаша сзади ахает и кудахчет:

– Ты такой милашка... Недавно здесь, да? Рэй и Дотти – хозяйева магазина.

Поднимаю глаза на кассиршу. Она кивает.

Рэй и Дотти – чертовы гении! Прежде чем бессовестно обобратить и выставить покупателя за дверь, они шлют ему свою любовь. В городе отверженных и отчаявшихся эта маркетинговая стратегия обречена на успех.

Одаренный непрошеной любовью, двигаюсь дальше – к облезлому книжному магазину, где мне предстоит работать. На окне вывеска «Буду через пять минут. Или десять». Иду к театру БНГ. Он гораздо меньше, чем я представлял, – вроде небольшого бара. Окна заклеены яркими афишами. Перед входом торчит пухлая девица с папкой и интересуется, не хочу ли я приобрести билетик.

– Ага, – импровизирую я. – У новичков скоро выступле-

ние?

– У каких?

Кто-то изнутри стучит ей в окно, она отмахивается.

– В пять часов будет «Мегабойня». Пойдете?

Боже упаси.

Иду дальше. И, честно говоря, прогулка не доставляет мне удовольствия – то ли дело шататься по улицам Нью-Йорка. Дохожу до угла Франклин-авеню и Тамаринд-авеню, достаю телефон и проверяю «Фейсбук». Черт. Черт! Черт!!! В группе написали, что Эми «Офлайн» отчислена из класса по импровизации. Голова гудит от жары и отчаяния. Черт!!!

А потом вдруг (мысль материальна!) я вижу ее в окне кафе-гриль-бара «Птицы» – на черно-белой фотографии с камеры наблюдения. Снимок мутный, но это точно она: длинные светлые локоны, футболка плавательной команды Стэндфорда. И надпись снизу «Доска позора».

Открываю дверь и захожу внутрь. Сексуальная барменша спрашивает, что мне налить. Пожимаю плечами, улыбаюсь и прошу удивить меня. Надо зацепить ее, завести, чтобы разговаривать.

Она подмигивает:

– Любишь ананасы?

Ненавижу.

– Конечно. Давай.

Грудь ее, упругая, ненастоящая, вульгарная, как и она сама, затянута в черный топик. Зовут ее Деана. Это повзрос-

левшая и заматеревшая девочка из клипа «Ганз 'н' Роузеуз». Это беспощадная реальность. И она вдруг сама начинает рассказывать мне про Эми.

– Появилась тут пару недель назад и сразу стала выпендриваться: требовала черничной водки, жаловалась, что коктейли недостаточно крепкие, возвращала их обратно, даже, сука, врала, что я разбавляю их водой. Вот стерва! А потом просто сбежала, не заплатив.

– Погано. – Я киваю. – Полицию вызвали?

Деана даже тряхни мой коктейль перестает и с усмешкой переглядывается с сидящим тут же прилизанным рыжим старикашкой.

– Полицию?

– Сколько минут ты в Эл-Эй? – ерничает старикан.

– С сегодняшнего утра.

Деана чуть в ладоши не хлопает, орет на весь бар и наливают мне стопку текилы от заведения. Старик жмет мне руку. Его зовут Аким.

– Какая полиция? – Деана пожимает плечами. – Это ж Голливуд. Им и без нас дел хватает.

Она говорит, что Эми, скорее всего, перебралась в «Ла Пубелль».

– Там смазливых девиц парни угощают. Лично я в такие кабаки не хожу. Самоуважение не позволяет. Предпочитаю сама за себя платить.

Я никуда не тороплюсь, потягиваю ананасовую дрянь,

строю из себя хорошего мальчика, смеюсь над дурацкими шутками Деаны, вздыхаю, когда она говорит, что не встречается с клиентами, и не скуплюсь на чаевые. А потом забрасываю домой покупки и бегом несусь в «Ла Пубелль». Там темно и людно. Напоминает одновременно парижский кабаk и трюм пиратского корабля. Забираюсь в дальний темный угол и пью там до двух ночи. Хорошо, что я закупился ксанксом у Деза. Я найду эту суку в ближайшие двадцать четыре часа. Максимум в сорок восемь. С курсов ее выперли. Она придет сюда. Должна прийти.

Но она так и не появилась. Ни в ту ночь, ни в одну из последующих. Прошел уже месяц. Я испробовал все: прочесал окрестности, завалил Интернет объявлениями о пробах, взломал базу данных Харви с именами всех жильцов, даже на пилатес записался. Впустую! Единственный результат – загар, как у фермера, и пара рубашек в пастельных тонах, какие я в жисть не купил бы в Нью-Йорке. Мой собственный мозг презирает меня за тупые объявления о пробах, которые я с упорством идиота продолжаю размещать и которые ни черта не работают. Но я не теряю надежды. Слушаю «Пейшнс» и «Ганз ‘н’ Роузез» и думаю об отважных охотниках и землепроходцах, стойко идущих к своей цели, не давая сомнениям и тревогам сбить себя с пути.

Лос-Анджелес – чертовски скучная и однообразная дыра. А все вокруг только и делают, что твердят мне про «Тиндер». Идиоты! Эми там нет. Она слишком умна. И осторожна. И старомодна. Прямо как я. Мы так похожи...

Я даже сон потерял. Дез шутит, что я «ем успокоительные, как конфеты». Купил у него еще и оксикодон – на случай, если понадобится накачать ее.

Ненавижу Эл-Эй. Здесь всё не так. Дилайла замучила меня флиртом, Харви – попойками. День идет за три: сначала вымораживающее утро, потом изнуряющий день и под конец

промозглый вечер – приходится таскать кучу шмоток. Я даже календарь повесил, потому что перестал дни различать. Они все одинаковые! Однажды проснусь и с ужасом обнаружу, что мне уже сорок и жизнь прошла.

Меня мучают приступы клаустрофобии и отсутствие машины. Я ненавижу Эми за то, что она так и не зарегистрировалась на «Фейсбуке» и не обзавелась электронной почтой. Я ненавижу ее за то, что застрял на этом чертовом пятачке земли, зажатом между Тамаринд-авеню на западе и Кэньон-драйв на востоке. В Нью-Йорке можно часами незамеченным мотаться по городу. Можно пройти за женщиной пару кварталов, не вызывая никакого подозрения. Здесь же ходить пешком не принято: максимум добраться до машины, автобуса или такси. Или пробежаться ради поддержания формы – но тогда надо напяливать кроссовки и вешать на пояс бутылку с водой. Черт! Чего бы я только ни отдал ради пары часов на Седьмой авеню в вечерний час пик, когда кругом люди, но тебя никто не замечает... Мечтаю стать невидимкой. А тут еще джинсы еле сходятся. Так и разжиреть недолго.

Каждое утро я просыпаюсь от ужасного, нестерпимого шума: Стиви из «Кладовки» шлет мне сообщения о своей девушке (вместо того, чтобы выслеживать мою), Харви терзает укулеле, какие-то дебилы обсуждают свои дебилские проблемы прямо у меня под окнами. Нет, я не сноб, но местные – это просто, ну... Лежу без сна, плююсь на потолок в

декоративной штукатурке и с грустью вспоминаю мою старую, милую квартирку. Периодически заглядываю на странички к Перл, Ноа, Гарри и Лиаму. Они мне как отдушина. Как родные. Порой я думаю зафрендить их и признаться во всем. Может, в тот вечер Эми на секунду забылась и выболтала девушкам что-нибудь личное – такое, что поможет ее отыскать. Хотя вряд ли: она – профессионал.

* * *

В начале июля подписываю чек за аренду и несу его Харви.

– Не кисни. – Он расплывается в улыбке. – Говорят, чтобы здесь прижиться, надо лет десять. Будь на позитиве. Прав я или абсолютно прав?

Показываю ему большой палец (иначе не отвяжется), он хлопает в ладоши, и я уношу ноги. Господи, как я устал от этой непереносимой тупости, от Харви с его вечной идиотской улыбкой и от своего босса Келвина, который мешается под ногами, – увы, он не мистер Муни, да и на свой фейсбучный образ тоже мало похож. Вообще, Келвин из тех, кому хорошо бы совсем уйти из реальной жизни и полностью переместиться в виртуальное пространство, чтобы постить там свои идеальные фоточки с телегеничной улыбкой и густой черной шевелюрой – потому что когда я встречаюсь с ним в жизни, мне хочется лишь остричь его наголо и убрать ду-

рачкие огромные очки в пол-лица. Вообще, мне тут постоянно хочется сорвать с людей одежду (без всякого сексуального подтекста), постричь и, выстроив в шеренгу, отправить на дезинфекцию.

Все свои пароли Келвин хранит в кошельке на одной бумажке (чертов кретин!), а в магазине всегда включает фильмы (будто это видеопрокат из девяностых). Сегодня «Настоящая любовь», и он непременно в сотый раз заявит, что некоторые сцены Тони Скотт снимал здесь неподалеку, на Бичвуд-драйв.

– Чё как, Джо-бро?

– Норм, Келвин. Как сам?

Сам он, как всегда, не очень. Врет что-то про своего агента.

Еще месяц назад я понял, что Келвин един в трех лицах. Все зависит от того, на чем он сидит. Есть Кокаиновый Келвин, уверенный, что его возьмут в телесериал «Лучше звоните Солу». Есть Ганджа-Келвин, невозмутимый и расслабленный, мечтающий сняться у Тарантино и ржущий до икоты над несмешными шутками. Есть Келвин-актер-неудачник, с напмаженными волосами, в очках и в тесной фиолетовой футболке, из-под которой торчит живот. Этот просит меня быть потише, потому что он ви-зу-а-ли-зи-ру-ет, мать его.

Ах да, еще есть Келвин-писатель. Он собирает патлы в хвост и работает над какой-то хренью под названием «Фургон-призрак». В моменты трезвой самооценки это незамыс-

ловатый сценарий дешевого хоррора для подростков про заколдованную закусочную или синопсис шоу для кабельного канала про призраков, торгующих жратвой с колес. Келвин уверен, что дело выгорит, ведь идея оригинальная. А когда он уж совсем отрывается от реальности, говорит, что это пилотный сценарий для НВО или FX (никак не меньше) про серийного убийцу, который колесит по стране и вертит из своих жертв буррито. В общем, как и сам автор (как и все здесь), это нелепая, неубедительная, аморфная чушь, принимающая черты того, что посмотрел накануне Келвин. Или его друзья. Или соседи.

Сегодня меня встречает Кокаиновый Келвин в довольно сносной своей разновидности: танцует, бьет себя в грудь и рассказывает про «Настоящую любовь». Таким его еще можно терпеть. Как непоседливый ребенок, он сам себя измотает и скоро выдохнется. Отчаливает на пробы, чтобы покори́ть Голливуд, а я размещаю очередное объявление о поиске «высокой, красивой, талантливой блондинки».

С каждым разом потуги мои становятся все банальнее и безнадежнее. И с каждым днем я чувствую себя все более похожим на детектива из нелепого сериала, который убеждает родителей, будто их ребенка уже не найти, если с момента пропажи прошло двадцать четыре часа.

Поиски в Эл-Эй – ад крошечный, вот почему люди здесь такие несчастные. И захочешь – не найдешь. Ни нужного человека. Ни славу. Ни любовь. Ни свободное место на парков-

ке. Ни дешевый бензин. Ни хорошее недорогое портфолио. Ни агента. Ни продюсера. Ни сносные начос по нормальной цене. Ни блондинку-аферистку по имени Эми.

Уже месяц на горизонте ни облачка, ни дождинки. Ни единой зацепки. Я сделал все, что мог. Расставил ловушки. Сколотил команду. Келвин ждет в засаде в магазине: он сообщит мне тут же, если кто-то принесет «Случай Портного» (Эми уже давно должна была явиться. Чем она, мать ее, платит за свои гребаные суперфрукты?).

Харви в курсе, что мне надо докладывать обо всех высоких блондинках в университетских майках. Дез – тоже. Деана из «Птиц» уволилась, но я завел там новые знакомства. И в «Ла Пубелль». И во всех окрестных заведениях. Специально купил банку с пренатальными витаминами и наплел, что моя бывшая беременна. Даже слезу пустил. Новая барменша из «Птиц» заявила, что мы все здесь одна семья, и сама чуть не расплакалась от умиления. Парень из «Ла Пубелль», конечно, не ревел, однако байку выслушал сочувственно. Посмотрел мне в глаза и пообещал помочь.

Я был уверен в успехе. Почему же, черт побери, я до сих пор не нашел эту суку?!

В магазин Келвин возвращается вконец упоротым: орет, смеется и танцует джигу в честь своего триумфа. Лезет в «Тиндер».

– Зачем? – удивляюсь я. – Ты же вчера кого-то подцепил. Кивает:

– Мне сейчас не секс нужен. Это работа, Джо-бро. «Тиндер» – самая крупная кастинг-площадка в мире. Там тусуются все актеры. Это как клуб или киоск с газировкой в пятидесятые. – Он рыгает. – Охрененная штука. Seriously, чувак. Мой дружище Лео на прошлой неделе роль нашел.

– Я думал, там только знакомятся...

Черт! Неужели он прав? Не хочу лезть в то дерьмо. Даже представить противно, как Эми ищет себе там «пару».

– Свайпай. Встречайся. Трахайся.

У меня не осталось выбора. Я поддался. И через двадцать четыре часа мои глаза и мозг опухли от бесконечной череды лиц. Их там сотни, тысячи. В моем телефоне отображаются телочки, находящиеся в радиусе пяти миль. «Тиндер» поработил меня, я свайпаю как заведенный, боясь, что если остановлюсь хоть на секунду, Эми в вытянутой футболке Калифорнийского университета, случайно забредшая в мой радиус, зевнет и снова лениво исчезнет в недрах ненавистного города. И я свайпаю без передышки, потому что не могу ее больше упустить.

Двое суток уже не спал. И дошел до ручки. Еще чуть-чуть, и Калифорния сведет меня с ума. Набираю номер мистера Муни. Он неумолим:

– Пусть тебе отсосут.

Я привык его слушаться. Пригласил на свидание телку из «Тиндера». Ее зовут Гвен, и это все равно что китайская жратва на дом. На фотках она вся такая сияющая, расслаб-

ленная и аппетитная, как рис со свиной, а на деле невзрачная и унылая, как разваренная жирная каша. Лицо опухшее и бледное (кто там говорил про калифорнийских «шоколадок»). Болтает про свои актерские курсы и последнее неудачное свидание. Пьет красное вино и смотрит на себя в зеркало. Зубы желтые. Чихает. Говорю «будь здорова». Глушу водку и по привычке ищу глазами Эми. Я отвык от свиданий. Гвен замечает, что я пялюсь по сторонам.

– Я, как сюда приехала, тоже пару месяцев наглядеться не могла. Такие все красивые! Даже мужчины...

Замираю. Вот черт! Стоило прийти в бар с телкой, как на горизонте появляется самая красивая девушка в мире. Я таких еще никогда не видел. А подойти нельзя! Она не классическая красавица и уже не юна, но сиськи, как два шарика мороженого, мягкие и нежные, заманчиво выглядывают из-под майки, спущенной на одно плечо. Волосы как сладкая вата. Ноги как карамель. Когда официант приносит мне наконец стакан воды (заказанный, между прочим, час назад), мы тянемся к нему одновременно.

– Ой, простите, – мурлычет она.

– Ничего, берите, – шепчу я.

Она улыбается. Подкатывать к ней сейчас будет скотством, а я хороший мальчик. Поэтому больше ничего не заказываю и соглашаюсь посмотреть новую квартиру Гвен в мини-отеле с бассейном в богемном районе Лос-Фелис. Там тесно, мрачно и всюду висят портреты Мадонны. Гвен лезет

ко мне, я закрываю глаза и представляю карамельную девушку из бара. Мы трахаемся. Она мне отсасывает.

Я остаюсь на ночь... и понимаю наконец, почему здесь все озабочены тем, чтобы оказаться в нужное время в нужном месте. Стоило выбраться из Франклин-Виллидж и забыться сном в Лос-Фелисе, как задребезжал телефон. Три сообщения от Келвина.

«Чувак пришла телочка со случаем портного».

«Странная такая. Требуется наличные. Говорит что перевод на карту ее не устроит. Книгу брать?»

«Все норм. Она торопилась так что я сам с ней договорился. Книга у меня».

Меня трясет. В квартире воняет супом. Вскликаю со скрипучей кровати и ищу ботинки. Черт! Я сам все испортил. Отвлекся. Надо скорее бежать. Проклятье, где моя обувь? Заглядываю под кровать. Там только фаллоимитаторы, туфли на шпильках и книги по актерскому мастерству. К черту ботинки! Я их не заслуживаю.

Мое такси уже подъезжает. Выскакиваю за дверь на дебильное, вездесущее солнце и спотыкаюсь... о свои ботинки. Они аккуратно, в рядок стоят вместе с туфлями Гвен – пусть все соседи знают, что у нее появился мужчина.

Запрыгиваю в такси. Кондиционер не работает. Водитель без солнечных очков переспрашивает, куда мне: во Франклин или в Фаунтейн – и допускает ошибку, когда забывает название моей улицы в навигатор. Будь все проклято!

Кто придумал фразу «случайные связи»? Нет тут никакой случайности! Только закономерное возмездие за постыдную беспечность.

Келвин – идиот. У меня в руках не книга, а сценарий. Обычные белые листы, отпечатанные на принтере и скрепленные кнопками.

– Чувак, ты же сам просил купить «Случай Портного», – заявляет он, потягивая смузи из кейла⁵. Еще только утро, а он уже обдолбанный.

– Книгу, – выцеживаю я, еле сдерживаясь.

– Ну... Вот.

– Это сценарий. Кому он вообще нужен?

– Джо-бро, не обижайся, ты какой-то дерганый... Расслабься. Пробовал соковую диету? Он нервов, говорят, кортизол повышается. Это плохо.

Меня трясет, как тогда на дороге, когда нас тормознули за невключенный поворотник. Я готов прикончить Келвина. Прикончить Эми. Вообще всех вокруг. А потом засунуть в блендер и перекрутить в смузи. По телику идет «Форсаж-5»; я смотрю, как Доминик Торетто и безвременно усопший Брайан О'Коннер собирают бравую команду. А в моей команде одни идиоты.

– Джо-бро, – не унимается Келвин, – ты склеил телочку

⁵ Кейл (кудрявая капуста, браунколь) – однолетнее овощное растение, разновидность вида капуста огородная семейства капустные. Трендовый продукт среди адептов здорового питания.

на «Тиндере» и все равно хандрить.

– Пришлось бросить ее ради «книги».

– Ну, сценарий же написан по книге, значит, это все равно что книга, только немножко в другой форме. Как кофе со льдом. Все равно кофе, пусть и холодный.

Не сдерживаюсь:

– Да пошел ты!

– Чувак, расслабься.

Я сейчас придушу его. Торетто никогда не расслабляется, потому что на расслабоне далеко не уедешь. Келвин бормочет что-то про виниловую пластинку «Флэйминг липс», кафе на колесах, горном курорте Биг-Битар, беконе и своем обломе прошлой ночью. Лучше б он сегодня был под кокаином, потому что под анашой Келвин невыносим – тормозной высокомерный бездарь. Говорит, что его дружок сейчас на каком-то гребаном фермерском рынке в центре и может купить нам пожрать. Идиот, мать его!

Говорю, что не голоден. Он сует мне свой «Айпэд» и включает новое «уморительное» видео Хендерсона, чтобы я «развеселился». Отказываюсь, он настаивает.

– Хендерсон жжет. Поливает дерьмом свою новую девушку. Ржачная херня. Охрененная ржака. Гениально!

Как здесь все легко бросаются громкими словами.

– Келвин...

– Джо-бро, поверь, тебе надо отвлечься, – не отступает он. – Смотри. Отдыхай. Расслабляйся.

Как? Как тут расслабишься, когда то и дело шлет сообщения Дилайла, а Келвин бубнит про свой «Фургон-призрак»: то он собирается пропихнуть его на юмористический канал, то снять мультик для взрослых, вроде «Футурамы», то совсем забывается и начинает бредить, как идею возьмут на НВО, а главную роль отдадут Джону Кьюсаку, и тот станет колесить по стране и подбирать по дороге девушек, а те будут исчезать, а он будет их искать, но никого так и не найдет, потому что фургон – призрак, и сам он – призрак, только не догадывается об этом. Я сдаюсь и говорю Келвину, что идея гениальная. Он начинает строчить в телефоне своему соавтору Слейду, а я голову готов дать на отсечение, что ничего они не напишут. Тут, в Эл-Эй, все носятся с собственными пьесами, сценариями, романами, а по факту одна болтовня: никто ничего не пишет. Это как в Нью-Йорке: все твердят, что надо непременно сходить в Клойстерс, музей средневекового европейского искусства на Манхэттене, а заканчивается рабочий день и... на улице либо слишком жарко, либо слишком холодно, либо вообще выходной и тянет поваляться на диване и позирить телик.

И чем тогда я лучше местных? Такой же придурок. Даже Эми не могу найти.

– Сгоняю еще за смузи, – говорит Келвин. – Тебе взять?

– Нет, спасибо.

– Джо-бро, послушай совета: отвлекись. Посмотри мистера Х.

- Слушай, вообще нет сил.
- Да там всего две минуты.
- Честно говоря, ненавижу его.

– Ненавидишь Хендерсона? Не смейся, чувак.

Я вновь сдаюсь и включаю «П@#уй нарциссизм». Все по-старому, как при Эми: Хендерсон в фирменной дебильной футболке с надписью #СИСЬКИ сидит, развалившись на кушетке, и вещает про телку с «мохнатой пелоткой». Терпеть не могу, когда так говорят. Это киска, лоно, вагина – как угодно! Он называет девушку «органической свиньей», которая измазала своими суперфруктами все его простыни, и жалуется, что пока найдешь ее щель в кустах, весь взмокнешь. Дрожащими руками делаю звук громче.

– Черника! – Он сплевывает. – Я сказал, пусть засунет ее себе в пелотку. Не, ну а чё, по-моему, обоснованная просьба. Хоть перекушу, когда доберусь до сути. Но простыни – сука! – мои дорогушие шелковые простыни превратились в говно. Не хочу показаться грубым, но меня еще пока не взяли на главный канал – приходится здесь за гроши перебиваться, а простыни недешевые. Так что не помешала бы компенсация... И только она собралась как следует загладить свою вину, как пришла пора идти на шоу. И вот я здесь. С синими пятнами на простынях и с синими яйцами. Сам себя лишил секса. Вот так сидишь на убогом диване в убогой квартире и мечтаешь о девушке, простынях и бабках, а потом срываешь куш, и вроде вот оно все – на, бери. Только

хрен тут! Даже в собственной постели не дают потрахаться.

Толпа бьется в экстазе. Хендерсон смотрит на кого-то в зале и говорит:

– Люблю тебя, Эми, детка. Классно целуешься, солнышко. Без обид, да?

Сердце бешено колотится, дыхание перехватывает. Камера не показывает ту, к кому он обращается, но я и так знаю, что это она. Перематываю и слушаю снова: «Люблю тебя, Эми, детка». Она спит с ним! С ним! С моим врагом. С нашим врагом. Лживая, двуличная сука! В «Преступлениях и проступках» Миа Фэрроу точно так же подставила бедного Вуди Аллена, предпочтя ему, такому милому, благородному и влюбленному, пустого и напыщенного телепродюсера, которого в начале фильма вроде как презирала. А в конце заявляет Вуди, что он на самом деле, видите ли, не так уж плох. Когда я загоню в угол эту мерзкую лгунью, она наверняка будет петь то же самое, да еще и посоветует мне остыть и расслабиться. И я чувствую, что если сейчас, в эту самую минуту, сам не сделаю что-нибудь мерзкое и подлое, то просто взорвусь. Отправляю Келвину сообщение: «Правда гениально!»

Он влетает в дверь (похоже, успев по дороге закинуться амфетамином) и орет от восторга, что я наконец узрел истинный свет и вместе с ним припал к алтарю искрометного юмора великого Хендерсона, превзошедшего в своем искусстве патриархов стендапа Ричарда Прайора и Джерри Сайн-

фелда.

– Гарвардов не кончал. А все равно гений! – вопит Келвин. – У него ай-кью не меньше десяти тысяч.

А еще этот кумир молодежи качается, занимается борьбой и вообще на все руки мастер. Сейчас он в Малибу, катается на серфе и постит в «Инстаграме» фоточки на гребне волны. Можно, конечно, рвануть туда сейчас, чтобы утопить его в прозрачных водах океана, а ее маленькую дрянную голову разможжить о живописные скалы, но из-за пробок и редких автобусов я вряд ли доберусь туда к закату.

– У него дом на пляже?

– Нет, он живет на холмах и в конце недели всегда устраивает шумные вечеринки, на которых обкатывает новый материал.

Сегодня как раз пятница. Мое сердце вот-вот взорвется от радости разноцветными ножами Рейчел Рей.

– Класс. – Беру себя в руки. – Может, сходим?

Келвин пожимает плечами:

– Ну, не знаю, Джо-бро. Я, конечно, тусил там раньше... типа того, ага... Сейчас у меня вроде как творческий подъем – хочу поработать, чтобы вернуться уже на коне.

Нет, парень, на коня тебе никогда не забраться, потому что ты все всегда бросаешь на полпути. Дышу. Успокаиваюсь.

– Тем более надо общаться, заводить связи. Уверен, если ты расскажешь им про свою идею, они кипятком начнут пи-

сать.

– Да, наверное... Хендерсон классный и все такое, однако на роль продюсера для моего «Фургона» не очень подходит.

Никакого «Фургона-призрака» нет и никогда не будет, а я скоро (клянусь, мой бедный измученный мозг, очень скоро!) вернусь в Нью-Йорк, поэтому говорю:

– Слушай, Келвин, вот ты странный. Такие знаковые вещи за один вечер не пишутся. Сходишь сегодня, отдохнешь, с людьми пообщаешься. Хендерсон в восторге будет от твоей задумки. Может, еще и интересную идейку подкинет.

Я готов хоть целый день вешать ему лапшу на уши – только б уговорить. Эми точно там будет. Значит, и мне туда надо. Один я пойти не могу, и Харви взять с собой не вариант, потому что хуже, чем явиться на вечеринку в одиночку, – это явиться в компании старикана.

Келвин колеблется:

– Ну, я новый пароль не знаю...

Ага, почти готов! Дело за малым. Пишу Дилайле (на какие только жертвы не пойдешь):

«Какой пароль у Хендерсона? Просто интересно».

Тут же отвечает:

«Баннй халат Дональда Трампа».

«Спасибо».

«Супер, да? У него всегда классные. До этого был 90210».

Не отвечаю. Снова она:

«Могу составить компанию. Ты идешь?»

Только ее мне не хватало. С Келвином все будет просто: я навру, что хочу склеить телочку, и свалю искать Эми. С Дилайлой такой номер не пройдет: будет таскаться за мной и спрашивать, кого я высматриваю. Есть только один способ отвязаться от нее (да, ужасный, да, грубый, но делать нечего). Пишу:

«Ну их к черту. Пойдешь со мной на поздний ужин? Часов в 10–11? Ресторан Дэна Тана подойдет?»

Ответ прилетает моментально:

«ДА!!!»

Келвин слушает музыку и вспоминает божественное гуакамоле, которое подавали раньше у Хендерсона. Дилайла, я уверен, скачет сейчас от радости по квартире и выбирает наряд посексуальнее, хотя лучше бы прикрылась, чтобы подразнить меня. Это заводит гораздо больше.

А Эми (я прямо так и вижу картинку), стоя на коленях, отсасывает у своего бойфренда и даже не парится о предстоящей вечеринке – у этих вырожденков наверняка и слуги есть.

12

На вечеринку не принято приходить с пустыми руками, поэтому я складываю в фирменный пакет из гастронома веревку, тесак от Рейчел Рей, резиновые перчатки, целлофановые мешки, скотч и оксикодон, купленный у Деза.

Полдня искал в Интернете фотки дома Хендерсона, чтобы провести заочную рекогносцировку, но так ничего и не нашел, и даже немного занервничал.

Люби меня Эми, все было бы просто: подмигнул бы ей, вызвал на разговор в уединенное местечко, мы бы обнялись, пошептались, поплакались и сбежали в горы или на пляж. В Эл-Эй полно мест, где можно спрятать тело. Но когда это тело тебя боится, не так-то просто незаметно настичь его и вытряхнуть жизнь.

Я скупил у Деза весь оксикодон, решив, что это Голливуд и передозировкой тут никого не удивишь. Однако потом до меня дошло: Хендерсон любит ее, и если она вдруг вырубится, непременно вызовет «Скорую». Поэтому пришлось прокатиться в супермаркет и купить веревку, скотч, целлофановые мешки, кабельные стяжки и резиновые перчатки. На кассе молоденькая продавщица подмигнула мне и сказала, что тоже обожает «Пятьдесят оттенков серого». Вот до чего мы докатились: секс теперь почти не отличим от убийства.

Когда я выхожу из дома с пакетом под мышкой, от Дилай-

лы прилетает сообщение:

«Удачно закупиться (я за тобой не слежу) ☺».

Не отвечаю. Для ее же блага. Пусть отучается быть доступной и навязчивой.

Келвин, уже прилично обдолбанный, ждет меня в «Ла Пубелль» и практикуется в подборе хэштегов.

– Как лучше: «вечеринка у Хендерсона» или «к Хендерсону на вечеринку»?

Не отвечаю. Говорю, что пригласил с собой телочку с «Тиндера» (на самом деле, конечно, нет – это для алиби). Заказываем такси. Келвин заявляет, что с ним едет трое дружков (черт, черт, черт!). Они уже ждут нас на улице: все как один с пивом и все как один дебилы. В такси перекидываются бутылками и докапываются до меня; я аккуратно держу свой пакет на коленях и никому не отдаю.

Ублюдок один:

– Твоя косметичка, что ли?

Ублюдок два:

– Не, у него там хер.

Ублюдок три:

– Точно! Я слышал, что бывают съемные. Очень удобно.

Келвин:

– Если не прекратите дразнить Джо-бро, он не скажет вам, где такой купить.

Не отвечаю. Тупые уроды с бледными одутловатыми лицами. В мятых рубашках поверх пафосных футболок. Они

ненавидят Вуди Аллена и молятся на Уэса Андерсона. Считают «Преступления и проступки» многоречивой чушью, а сами его наверняка даже не смотрели. Мечтаю вытащить из пакета и приставить им к глотке остро отточенный нож от Рейчел Рей, но общество, к сожалению, не одобряет применение холодного оружия в целях усмирения беснующихся идиотов (а зря!). К тому же водитель ни в чем не виноват, и было бы нехорошо усугублять его и без того существенные страдания.

Мы уже почти на месте, а я все еще не решил, как убрать Эми.

Ублюдок один:

– Американцам не хватает чувства юмора, чтобы понять «Парки и зоны отдыха».

Ублюдок два:

– «Паркам и зонам отдыха» не хватает американскости, чтобы быть понятым американцами.

Ублюдок три:

– Я бы вдул Эми Полер.

Ублюдок один:

– Я бы отполировал Эми «дуло».

Келвин:

– Это потому, что она твоя Полерная противоположность?

Он вконец окосел от кокаина.

– Джо-бро, давай расслабься. Ты же больше всех рвался на

вечеринку. Веселись! Многие убить готовы, чтобы попасть туда. А тебе повезло.

Петляем по холмистой дороге. Этому городу не хватает строгости. Не хватает жесткой руки, которая выбьет дурь из понаехавших ублюдков и выровняет улицы. Водитель, сдержанный и невозмутимый, напоминает маньяка из фильма ужасов. Сейчас свернет куда-нибудь и всех нас прикончит, а полиция даже искать не станет: мало ли в Эл-Эй пропадают идиотов! Безрадостный, страшный город. Поднимаемся все выше и выше, а эти придурки никак не уймутся. Обзывают Челси Хэндлер сукой, Джимми Киммела – продажной сволочью, Джимми Фэллона – везучим ублюдком. Да кто они такие, чтобы поливать хороших комиков грязью? Да как они... Что, уже приехали? Так себе местечко. Обычные холмы. И чего все так сюда рвутся? От резкого подъема у меня закладывает уши. Надо было ехать одному: сначала все разведать, составить план. Я ожидал увидеть звездные райские кущи, нависающие над «Шато-Мармон», а попал в хипстерскую тусовку, где бездельники в модных шмотках делают вид, что им нужна не роскошь, а просто «комфортное место для расслабленной жизни».

Срабатывает напоминка: половина одиннадцатого. Пишу Дилайле:

«Нарисовались срочные дела. Поужинать не получится, давай просто выпьем. Не пропадай».

Тут же прилетает ответ:

«Даже лучше! Жду звонка. Выпивку могу принести с собой».

Что же это такое? Есть ли вообще в этом мире нормальные женщины? Мне попадаются либо дуры, начисто лишённые самоуважения, как Дилайла, либо неисправимые, прожжённые эгоистки, как Эми. Одновременно их двоих я не выдержу, поэтому переключаю телефон в режим полета. Машина тормозит. Приехали. Водитель заявляет, что не сможет развезти нас по домам, и отчаливает (счастливый засранец!), а у меня пересохло во рту, стучат зубы, и жмут севшие трусы (сушилки в «Голливудских лужайках» никчемные).

Следую за своими убудочными попутчиками в дом, в котором «в конце девяностых какое-то время жил Бобкэт Голдтуэйт», сыгравший злодея Зеда в «Полицейской академии» (да какое мне дело!). На распахнутых воротах – камера наблюдения (а вот это интересно) и надпись «Покажите язык – я муляж». Смешные эти калифорнийцы, думают, что огульная бесшабашность – круто, а разумная предосторожность – отстой. Что ж, мне это только на руку.

Пересекаем заросший газон, где хипстеры лениво делают селфи и болтают о Мекке. Подходим к огромным резным дверям из красного дерева (это дворец, что ли, мать его?!), называем пароль, и нас впускают в дом. Пахнет эвкалиптом, огурцами и деньгами. Эми не видно. Прижимаю к себе пакет.

– Расслабься, – тянет свое Келвин. – Глянь, сколько бабла у лорда Хендерсона. Впечатляет?

Он уходит искать свое божественное гуакамоле, а я падаю на кушетку – на чертовски удобную и мягкую кушетку. Давно я не бывал в столь приятном месте. Мне тут нравится. И это бесит! Имей я деньги, завел бы себе точно такой дом. Поверить не могу, что Эми – подружка Хендерсона. Живет здесь в неге и роскоши, а я-то, дурак, думал, что она будет ютиться в какой-нибудь вонючей дыре вместе с другими начинающими актрисками... Подступает тошнота. Поднимаюсь. Не могу сидеть, зная, что она отсасывала тут этому самовлюбленному комику.

Иду на кухню. Откуда-то выскакивает Келвин. Гуакамоле он так и не нашел, зато встретил очередных ублюдочных приятелей. И чем-то еще закинулся. Я чувствую. Он изменился, стал агрессивнее. Тянется к моему пакету. Отступаю.

– Это мое.

– Выпивку все ставят на кухню. У Хендерсона полный бар.

– Это мое, – не сдаюсь я и вдруг понимаю, что сейчас все завертится (а я еще даже не выпил).

В комнату входит Хендерсон. С сияющей белозубой улыбкой кинозвезды. Еще более лощенный и подтянутый, чем на экране. Футболку наверняка ему выбрала Эми – со школьной фотографией комика Луи Си Кея и подписью ««Ван Хейлен» – отстой» (это вообще фирменный стиль Луи – ниспровергать авторитеты). Вокруг Хендерсона вьется и пускает слюни толпа кретинов: «Классная футболка... Крутяк!.. В точку... Реально отстой...» Хендерсон улыбается и говорит:

«Добро пожаловать», будто это его шутка, будто это он сам сделал футболку, будто у него есть хоть капля таланта Си Кея. Напыщенный фальшивый индюк! С бесподобной, сияющей кожей. Видимо, правду говорят: чтобы добиться успеха, надо заключить сделку с дьяволом. И чем больше будет внимания, фотографий и восторженных взглядов, тем меньше останется за душой (если ты, конечно, не Мерил Стрип). Так что Хендерсон – призрак. Накачанный, мускулистый, подтянутый и совершенно пустой внутри призрак.

– Держи, чувак. – Келвин возвращается с добычей. – Пробуй скорее, пока не кончилось.

– Охрененное гуакамале! – влезает какой-то debil.

Беру начос и обмакиваю в густую зеленую жижу. Ничего особенного. Обычное перетертое авокадо – мерзкое, склизкое, вязкое, никак не божественное. Как научить местных придурков называть вещи своими именами?!

Осматриваюсь в поисках Эми. Куда она провалилась? Разве пиявкам, как она, не положено висеть на своем «господине», когда вокруг выются толпы легкодоступных конкуренток?.. Какой-то поклонник спрашивает Хендерсона про его «девушку». Я весь превращаюсь в слух.

– Подалась на север с моей матерью, – отмахивается он.

На север? С матерью? Это не входило в мои планы. Пытаюсь успокоиться, однако вокруг слишком шумно, и игра в «крокодила» не такая уж смешная, и у девиц чересчур нарочитые винтажные шмотки и прически из пятидесятых. Де-

вушки Нью-Йорка, вы лучшие! А тут какой-то балаган. Обхожу все комнаты, высматривая Эми – а вдруг... Возвращаюсь на кухню и наливаю себе вина. Меня снова настигает Келвин и принимается петь дифирамбы Хендерсону:

– Стив Мартин репостит все его твиты! Понимаешь, все! Что бы он ни написал. Круто, да?

Тут всплывает лорд Х. собственной персоной, зачерпывает полную горсть «Скитлз» и высыпает себе в рот, сверкая винирами.

– Охренительно круто, бро.

– Просто кайф, – поддакивает Келвин. – Кстати, это Джо, он работает у меня в книжном.

Какая-то визгливая девица терзает микрофон. Хендерсон спрашивает Келвина, живет ли тот по-прежнему в Франклин-Виллидж.

– На Бичвуд, – подобострастно поправляет его Келвин, расстилаясь, как малолетка на концерте «Бэкстрит бойз». – А Джо снимает комнату в «Голливудских лужайках».

Хендерсон смотрит на меня. Кожа у него идеальная, ни одной поры не видно, и ресницы неправдоподобно длинные.

– «Птицы», – наконец изрекает он. – Охрененное место. Сочные пьяные девочки. Да, парень, раньше я ходил туда, как ты в «Макдак», – устроить себе праздник плоти.

Тут на него снисходит вдохновение, и он сначала устраивается на стуле, потом встает и усаживается на мраморный кухонный остров. Свистит. Все мигом замолкают.

– Никто не против, если я возьму микрофон и расскажу пару новых шуток?

Все хлопают и кричат:

– Да! Мы любим тебя, Хендерсон!

– Хорошо. Начинаем, – командует он и говорит, что у него появилась девушка (аплодисменты) и у них все чудесно (крики «поздравляем»). Ее зовут Эми (аплодисменты), и она сегодня уехала из города (оглушительные аплодисменты, предложения трахнуть, отсосать и так далее). Все девицы орут что-то типа «возьми меня, я на все готова». В общем, если хотите посмотреть на радикальный антифеминизм, езжайте в дом популярного комика.

Хендерсон продолжает:

– Кошка из дома – мышь дронит на диване и отказывается от всех вечеринок.

Хохот и крики. В Нью-Йорке максимум вежливо улыбнулись бы.

– Но, знаете, я счастлив. Мне все нравится. Недавно написала Кейт Хадсон: предлагала перепихнуться по-быстрому на парковке. А я такой, не, чет-как не охота. Сделай себе сначала новые сиськи.

Девицы смеются громче парней, и это в корне неправильно.

– Я так охрененно счастлив, что теперь даже могу спокойно ездить мимо начальной школы, не испытывая унижительного стыда, что там мне ни разу не дала ни одна телка.

Секс до совершеннолетия – это мерзко и вообще не смешно; Хендерсон просто не понимает, как ему повезло.

– А сегодня с утра я вызвал японских шлюх. И знаете, что я им сказал? «Я так счастлив, что мне даже не нужен минет, просто трахните друг друга».

Оглушительный смех.

– Моя девушка разозлится, если узнает об этом, так что возьмитесь за руки и пообещайте не выдавать меня.

Келвин вместе с остальными адептами пошлого юмора присягает на верность своему кумиру.

– А еще у меня разные яйца, – делано вздыхает Хендерсон.

– У тебя классные яйца! – визжат девицы.

– И хер слишком велик. Для еврея.

Восхищенный смех. Будто представитель избранного народа, рассуждающий о размере своего достоинства, еще может кого-то веселить на достигнутой культурной ступени человеческого развития.

– Вы не представляете, как это приятно, когда девушка, с которой я встречаюсь... Да, блин, встречаюсь! Сам поверить не могу. А вы можете?

Он мотает головой. П@#уй нарциссизм!

– Так вот, моя девушка во время секса просто контроль над собой теряет. Ну, вы меня понимаете, парни... Только это между нами. Так, кто снимает? Где камера? Уберите камеру.

У всех камеры! Он просто не придумал, как закончить шутку. Самонадеянный кретин! Стонет, изображая, как Эми кончает, и ухмыляется. Скалится как ублюдок. И кланяется.

– А потом я такой: «Без обид, конечно, но я ведь не настолько хорош. Имитировала?»

Толпа замирает. Хендерсон поднимает бровь и выдает:

– И знаете, что она мне ответила?

Снова ухмыляется ублюдочной улыбкой. Порочный сластолюбец – не дай бог таким стать.

– Она сказала: «Просто до тебя у меня был самый отстойный секс, от бывшего до сих пор воротит».

Потолок падает мне на голову, а пол под моими ногами, выложенный метлахской плиткой, обрушивается в подвал. Всё, конец. Мое сердце перестает биться, кровь застывает, а Хендерсон как ни в чем не бывало продолжает разбалтывать всему миру про нас с Эми.

На негнущихся ногах я выбираюсь из гостиной, поднимаюсь наверх и вламываюсь в хозяйскую спальню, где Эми трахала этого урода и рассказывала ему обо мне. Да пошла ты к черту, Эми! И будь ты проклята. Сначала использовала меня, а потом использовала нас, чтобы развлечь своего нового бойфренда... Он знает обо мне, значит, и я имею право узнать о нем все. Заглядываю под кровать. Так и есть. Тупицы без воображения всегда хранят там свои коробки с секретами, а в коробке – фотографии бывшей жены, дневники, вырезки из газет, старые билеты и прочее сентиментальное

дерьмо.

Ее звали Марджи, она таскалась с ним в «Птицы», сидела у него на коленях, смеялась над его дурацкими шутками, фотографировалась голой на их дерьмовом диване. Они вместе ходили на концерт Билли Джоэла (на самые дешевые места). Он был пухлым, и в груди у него тогда еще билось сердце. А потом, когда дела пошли в гору, они развелись. Теперь Марджи живет в озерном краю во Флориде. У нее муж-моряк и трое маленьких детей. И она ни капли не выглядит несчастной. Просто секс был отстойный, и от бывшего до сих пор воротит. А вот он по ней явно скучает, и я избавлю его от страданий. Смех внизу становится громче. Кто-то должен спасти мир и остановить распространение этой заразы.

Дроблю четыре таблетки оксикодона и высыпаю в металлическую бутылку для воды, стоящую на прикроватной тумбочке между банками с ксанаксом и со снотворным. Забираю коробку с секретами с собой в гардеробную и отправляю Келвину сообщение, что уехал на такси с телочкой из «Тиндера». Дилайле пишу: «Извини, сегодня ничего не выйдет».

Кажется, я начал понимать, почему Хендерсон так любит импровизацию. Свобода опьяняет. Я не собирался его убивать, но нельзя безнаказанно жаловаться с телеэкрана, что тебя не устраивает «куст» твоей подруги, и поливать дерьмом Кейт Хадсон перед толпой уродов, и рассказывать всем направо и налево про свои онанистские привычки, и открывать дом для незнакомцев (через десять минут после наше-

го прихода пароль от вечеринки не перепостил в «Твиттере» только ленивый). Нельзя смеяться над людьми, которых даже не знаешь.

Вечеринка затягивается, потому что гости (в основном – начинающие бесперспективные комики-нищоброды, пускающие слюни на успех Хендерсона) никак не отпускают его и не расходятся. Я слышу их болтовню о шмотках «Американ аппарат» и восторги по поводу вечеринки («У меня даже зубы болят от смеха»). Интересно, что с ними со всеми будет. В Эл-Эй не так много особняков, а на телевидении – вакансий.

Торчать в шкафу неудобно. У меня затекла шея. В голове вертится мысль: бросить все и вернуться в Нью-Йорк. Но мне нужно поставить точку. Слова Хендерсона задели меня за живое, и теперь я не успокоюсь, пока не узнаю, почему Эми говорила обо мне такие ужасные вещи. Если уйду сейчас, до конца жизни буду мучиться, гадая, действительно ли я так плох в сексе. К тому же Хендерсон – единственный человек, который знает, где сейчас Эми. Такой шанс упустить нельзя.

Наконец внизу раздается оглушительное «бум» – во всем доме опускаются автоматические жалюзи. Гости разошлись. Слышно, как Хендерсон насыпает себе хлопья в миску, смотрит выступление Сета Майерса, потом запирает двери – вот умница, хороший мальчик! – и поднимается наверх. Ко мне.

Все одинокие мужчины одинаковы: хоть Хендерсон, хоть

мистер Муни. Мое сердце колотится. Я замираю и прислушиваюсь, как он готовится ко сну.

К счастью, его вечерний туалет ограничивается чисткой зубов и втиранием дьявольского зелья в драгоценное личико. Потом он возвращается в спальню, открывает бутылку с оксикодоном, высыпает в ладонь снотворное и ксанакс, глотает, запивает. Выключает свет. Дрожит немного и засыпает.

Когда раздается размеренный храп, я открываю дверь. Спасибо, таблетки, – Хендерсон абсолютно неподвижен. Спасибо, голливудские стандарты и салоны эпиляции, – у него на теле ни одного волоска. Стягиваю кабельными хомутиками его запястья и – хоть это и унижительно (как я скучаю по своей клетке, где не приходилось опускаться до подобных низостей!) – отдергиваю одеяло и связываю ноги. Прикрываю мягким одеялом и даю пощечину. Ничего. Еще раз. Опять впустую. Снова и снова, пока он не приходит в себя и не начинает орать. Ведет себя как ребенок. Надеваю наушники и терпеливо жду, когда он смиритсЯ с обстоятельствами. Играет саундтрек к фильму «Парни из Джерси», совсем не хипстерский музон. Наушники у Хендерсона шикарные: никаких посторонних звуков. Наблюдаю, как он мечется, словно издыхающая акула.

Когда комик затихает, снимаю наушники и беру его «Айпэд». Спрашиваю пароль. Вместо того, чтобы спокойно ответить, он начинает метаться и стонать:

– Нет, нет, прошу, нет...

Подношу к его лицу разделочный нож от Рейчел Рей. Берет себя в руки.

– Марджи девятнадцать.

– Что за Марджи? – спрашиваю я простодушно.

– Моя жена.

Смотрю на него вроде как с удивлением.

– Бывшая, – поправляется он.

Ввожу пароль. Так, теперь надо написать его домработнице. Спрашиваю номер.

– Что? Зачем? – пытается протестовать он. – Скажи, чего ты хочешь. Все отдам. Только отпусти.

– Я сказал, чего хочу, – номер домработницы.

– Давай я переведу тебе деньги. Продам дом, отдам наличные... – Он всхлипывает, идеальный лоб блестит от пота. – Ну, пожалуйста!

Если не остановить его, он так и будет ныть, предлагая мне золотые горы, поэтому я повторяю:

– Мне не нужны твои деньги. Скажи номер домработницы.

До него наконец доходит.

– Дженнифер. Она есть в контактах.

Нахожу «Дженнифер Уборка», рядом с «Дженнифер Сиськи», «Дженнифер Большие сиськи» и «Дженнифер Без сисек», и пишу: «Джен, завтра у тебя выходной. Тут работа для клининговой службы. Извини, если разбудил».

Ответ прилетает тут же:

«Спасибо!»

С делами покончено. Пришло время повеселиться. Приказываю Хендерсону прекратить ныть. Он умоляет отпустить его, но я непреклонен. Снова начинает орать. Усаживаюсь на его шикарный белый офисный трон.

– Когда она тебе это сказала?

– Отпусти меня, мать твою!

– Когда она тебе это сказала?

– О чем ты? У меня в сейфе пятьдесят кусков – отпусти!

– Я говорю об Эми.

– О ком?

– Об Эми! – срываюсь я. – Хватит дурака валять! Сам рассказывал о ней на гребаном шоу, и сегодня тоже. Не надо делать вид, что ты не понимаешь, о ком я.

Он сглатывает. Кивает.

– Что ты хочешь знать?

– Когда вы познакомились?

Его нижняя губа начинает дрожать.

– Это что... Ты из Сети?

Молча смотрю на него. Как можно быть таким идиотом?

– Нет. Я из реального мира.

Снова орет и вырывается. Я думаю о будущем. Представляю, какая шумиха поднимется в Интернете, когда станет известно о безвременной кончине этого бездарного кумира молодежи. Кто-нибудь сольет информацию о секретной коробке с фотками бывшей жены, и эксперты-психологи примут-

ся вещать про частые депрессивные расстройства у комиков. Общественность будет потрясена тем, что Хендерсон решил покончить с собой на пике карьеры. Чужой суицид настраивает живых на философский лад. Так и слышу, как начнется:

«Это лишний раз доказывает, что деньги не главное».

«Не разведись он, все было бы иначе».

«Слава богу, хоть детей не оставил».

«Как жаль, что не осталось детей».

«Бедная его мать...»

«Надо же: в свой последний вечер он хвастался, что очень счастлив».

Наконец Хендерсон затихает. Тяжело дышит, потеет.

– Чего ты хочешь?

– Я уже сказал. Как ты познакомился с Эми?

– Ты что, ее парень?

– Я хочу знать, как ты познакомился с Эми.

Кивает. На одеяле ни одного пятна от черники. Впрочем, денег у него полно, так что постельного белья тоже наверняка завались. Простыни такие нежные и мягкие, что даже те, которые понравились Эми в Литтл-Комптоне (когда мы еще были вместе), показались бы грубыми.

– Познакомились в «Сохо-хауз».

Представляю, как Эми сидит, закинув ногу на ногу, у барной стойки закрытого частного клуба и улыбается похотливым толстосумам, которые ходят туда, чтобы тусоваться с такими же, как они, богатыми развратниками и снимать дево-

чек. Место для шлюх типа Дилайлы и выскочек типа Хендерсона. Роскошно обставленный бордель.

– Так. И что дальше?

– Она сидела в баре и строила мне глазки. Я подошел и спросил, с какого она года.

– Что?

Он издевается? Втыкаю нож в ручку дорогущего белого кресла.

– Просто на ней была футболка с Питером Старком, а несколько моих знакомых учились на этом курсе.

– Что за Питер Старк?

Он приподнимает брови, будто не знать этого – грех, но тут же спохватывается и говорит заискивающе:

– Продюсерский курс имени Питера Старка в университете Южной Калифорнии.

Похоже, туда Эми тоже метила и футболку специально искала. Хендерсон снова начинает стонать:

– Слушай, возьми лучше пятьдесят кусков.

– Что было дальше?

– Не знаю, – бубнит он. – Что обычно бывает? Я заказал ей десяток коктейлей, попросил телефон, а потом... потом просто вырубился. Домой меня привез водитель.

Ясно, этот алкоголик и половину своей жизни не помнит. Ничего, сейчас ему придется поднапрячься. Мне надо знать все.

– Она поехала с тобой?

– Чувак, – ноет он. – Это вообще не прикольно.

Нет, все-таки я никогда не привыкну к местному сленгу: лежать на кровати связанным по рукам и ногам, с ножом у горла и говорить, что это «не прикольно».

– Она поехала с тобой?

– Что?

– Не прикидывайся дураком, Хендерсон, – ты не на своем шоу. Здесь я задаю вопросы, а ты отвечаешь.

– И потом ты меня отпустишь?

– Да, – киваю я (вот идиот!). – Конечно отпущу. Так да или нет? Она поехала с тобой?

Смотрит в стену.

– Я же говорю, что не помню.

– Хендерсон! – Мне приходится встать. – Вы познакомились в «Сохо-хауз», ты спросил, в каком году она закончила университет. И что? Что было дальше?

– Хорошо, мать твою, я скажу, – огрызается он. – Ниче-го! Ничего не было дальше! Потому что она не моя девушка. Я все выдумал!

– Она была на твоём шоу. Ты помахал ей и крикнул: «Привет, Эми!».

– Чувак, это же телевидение! – Он смеется. – Я помахал фикусу.

Черт бы побрал Голливуд... Тут все ненастоящее!

– То есть вы не вместе?

Фыркает:

– Она даже ни разу мне не написала. Я послал ей фотку своего члена – и тишина. Может, она недотрога. Или лесби. Или шизанутая.

– Тогда какого хрена ты треплешься, что она твоя девушка?

– Потому что это моя работа. Потому что я не могу рассказывать, что сплю со всеми подряд. Потому что публика хочет романтики и отношений. Потому что телевидение, сука, – это не реальная жизнь.

– Ты с ней не спал?

Смеется:

– Я же сказал, она или недотрога, или лесби.

Отшвыриваю кресло. С меня хватит: даже связанный, он кривляется как клоун.

Хендерсон присвистывает:

– Эй-эй, чувак! Мы закончили?

Я сыт по горло этой гребаной Калифорнией – с ее лживыми ублюдками, тошнотворными холмами и сводящим с ума однообразием. Выхожу в ванную. Нет, мать твою, мы еще не закончили! Что-то не сходится... Черника! Я вылетаю обратно.

– Если ты не спал с ней, откуда знаешь про отстойный секс с бывшим?

– Слушай, задолбал уже.

Снова рвется, хрипит, как собака. Своенравная, непослушная собака. Жду.

– Ладно, слушай, – наконец смиряется Хендерсон, – я познакомился в баре с девушкой по имени Эми. Она сказала, что ненавидит мое шоу, от чего у меня даже встал, потому что обычно телки сразу тащат меня в постель.

Приятно слышать (не про стояк, конечно, а про стойкость).

– Она отказалась ехать ко мне и сказала, что не такая. Судя по моему опыту, «не таких» не бывает – надо просто подождать пару дней. Поэтому я взял у нее телефон и послал фотку члена.

Мерзость! Вся ситуация от и до – сплошная мерзость! И особенно его член в телефоне моей девочки.

– И?..

– И ничего.

– Откуда тогда знаешь про чернику?

– Она что-то рассказывала про лучший секс. Не помню. Обычная пьяная болтовня. Сколько раз повторять: я все выдумываю. Не говорить же, что жена бросила меня, потому что я ноль в постели... Это и называется, сука, комедийное выступление. Художественный вымысел. Стендап-импровизация. Ну, пойдем за баксами?

Он реально думает, что мне нужны его деньги!.. Снова ухожу в ванную и включаю воду. Лучший секс! Она сказала «лучший секс» – и все равно сбежала от меня, от любви, от близости. Предпочла болтаться по барам и пить с незнакомцами. «Шарлотта и Чарльз». Черт! Как я не догадался? Я

слишком хорош для нее. Мои руки слишком заводили ее, а член слишком манил. И любовь ее была столь велика и сильна, что она просто не выдержала.

Возвращаюсь к Хендерсону. Он снова ожил: стонет и выкручивается.

– Давай уже перейдем к делу.

– Не спеши. Мы не закончили.

– Чувак, бери деньги и отпускай меня, мать твою!

Листаю его контакты: «Эми Торонто», «Эми Пышка», «Эми Кривой нос», «Эми Сиськи», «Эми Задница».

– Которая была первой: Эми Сиськи или Эми Задница? – спрашиваю его.

– Чувак, мне каждый день приходится общаться с толпой народа. Ты бы запомнил? Ты вообще представляешь, что значит быть публичной фигурой?

– Я не представляю. Зато Эми Фитнес, Эми Шато, Эми Мармон и Эми Минет, похоже, неплохо освоили «публичную сферу», и с фигурами у них все в порядке.

– Прекрати! Я никого не принуждаю – все сами напрашиваются.

– И Эми Жирная Задница?

– Она в первую очередь!.. Ну всё, хватит!

– А телефончик у Эми Минет ты записал до того, как она опустилась на колени, или после?

– У меня в штате четыре женщины-сценариста, а спал я только с двумя.

– С кем ты спал: с Эми Губошлепкой или с Эми Автором?

– Это личное, – огрызается он. – Ни с кем. Прекрати!

Но у меня еще много вопросов.

– А Эми Автор-один в курсе, что есть Эми Автор-два?

– Слушай, завязывай и бери деньги. Хватит издеваться.

– Кто лучше отсасывает: Эми Автор-один или Эми Автор-два?

– Не знаю. Они из моего клуба анонимных алкоголиков. Я ходил туда пару раз.

– Полагаю, с Эми Водярой и Эми Текилой ты не там познакомился.

Смешная получилась шутка. А он упорствует:

– Чувак, я не врал этим девушкам. И никого не принуждал. Ну сколько можно... Прекрати!

– К Эми Белладжио ты приземлился после того, как взошел на борт к Эми Американские авиалинии?

– Отвали. Надоел. Всё. Довольно!

– Заткнись, Хендерсон. Это не твое шоу. Или ты еще не понял?

Из наушников доносится вкрадчивый голос Фрэнка Вали. Хендерсон снова орет и бьется. Я ищу Эми Чернику. И нахожу – с болью и обидой. Моя девочка в его телефоне. Между Эми Черепашки ниндзя и Эми Чесотка. Хочу убить ее. Убить Хендерсона. Набираю номер и слышу знакомое «данный номер отключен». Стерва!

Хендерсон покраснел, взмок и остервенел. Угрожает и

требует, чтобы я его освободил, а всего минуту назад заискивал и сулил золотые горы. Ну как тут верить людям? Неудивительно, что Эми сбежала именно сюда, в город лжецов.

Ищу в его телефоне переписку с Эми Черникой, еле сдерживаясь, чтобы не отшвырнуть это средоточие мерзости, гадости, низости и порока. Меня возмущает, как бессовестно Хендерсон пользуется своей популярностью. Уверен, даже Джек Николсон никогда не позволял себе такого, и Пол Ньюман не писал: «Приезжай с двумя подружками. Хочу посмотреть, как вы отлижете друг другу». Ужасно. Но ужаснее всего, что его просьбы беспрекословно выполняются. Девушки приезжают. Привозят подружек. И так далее. Гнусно, отвратительно, тошнотворно. Это не Билл Клинтон, пылко влюбленный в стажерку, и не Хью Грант, смущенно клеящий трансвестита на Голливудском бульваре; это один из самых желанных мужчин Америки, бесстыже тешащий свое эго. Трахает всех подряд и даже не трудится потом отвечать на сообщения своих «жертв» о том, какой классный и огромный у него член. Бессердечный нарцисс, которого привлекает лишь новизна. В своем дебильном шоу он высмеивает нашу старую добрую культуру, а потом приходит домой, включает «Парней из Джерси» и перебирает фотки бывшей.

Умоляет дать ему глоток воды... С удовольствием! Выключаю музыку и поднимаюсь с кресла.

– Верь мне, брат, – бормочет он. – Этот город кого угодно сведет с ума. Я помогу тебе. Мы все уладим. Если ты хочешь

попробовать себя на телевидении... Если дело в этом – считай, все уже решено.

Хорошо, что я позаботился обо всем заранее. Он пробуждает в женщинах все самое ужасное, и его пятнадцать минут давно истекли. Беру бутылку и заливаю наркотическую воду прямо ему в глотку. Он кашляет и отплевывается. Но пьет. Много. Зрачки сужаются, дыхание замедляется, глаза закатываются. Надеваю ему на голову мешок для мусора. И иду в ванную, чтобы списать названия косметических средств. Всем он запомнится как ведущий идиотского ток-шоу, а мне – как парень, который заставил меня задуматься о состоянии кожи лица. И еще я, конечно, помню, что надо срезать кабельные стяжки.

Когда я заканчиваю дела в ванной, он уже мертв. Произношу зауспокойный кадиш – без сожаления и грусти: Хендерсон прилично наследил в этом мире. Хорошо, что ушел рано, а то еще заразил бы ЗППП какую-нибудь подающую надежды звездочку с низкой самооценкой, или обрызг бы, поистрепался, вылетел к чертям из своего дебильного шоу и скатился на самое дно. А что? Банальная физика: чем выше вскарабкаешься, тем больше падать.

На первом этаже воняет гуакамолем и пивом. На портрете Джона Белуши висит кусок пиццы. Везде грязь. Ублюдки! Все до одного. Но я, как ни странно, благодарен судьбе за то, что люди – свиньи. Натягиваю перчатки, собираю бокалы со следами губной помады, забытую одежду, лифчик, та-

релки со сладостями и отношу все наверх, чтобы судмедэкспертам было над чем поработать. Отпечатков пальцев хватит на классическую голливудскую оргию (с кровавым концом). Надеваю наушники (они теперь мои) и оставляю в комнате играть «Парней из Джерси». Пусть весь мир узнает: дома Хендерсон слушал совсем не то, что навязывал всем на своем шоу. У модного бога было старое сердце. Прихватываю пару новых футболок с бирками и отправляю пустое сообщение с его аккаунта в «Твиттере».

И оно взрывает соцсети. Люди лайкают и пересылают его, хотя это ничто. Пустота. Видимо, она дает простор для чужих проекций. Заумные культурные критики станут детально анализировать эту чушь в модных онлайн-журналах. Парень, который выкладывал в Интернет каждый свой чих, отправил пустой твит за минуту до смерти. Символизм! Его трагическая кончина всколыхнет массы. Так что ему еще повезло. Если рай все-таки существует, он, скорее всего, попадет туда, несмотря на все те гадости, что болтал про меня.

Спускаясь с холма, покупаю и скачиваю на свой «Айфон» «Парней из Джерси». Дорога предстоит длинная, и хорошая музыка мне не мешает. Мы созданы для ходьбы – не для бега, не для великов, не для пеших прогулок. Ходьба – это мыслительный процесс. Она позволяет отточить мысли и переварить эмоции.

Я так и не убил Эми, зато я ее нашел. «Сохо-хауз»! Ну конечно. Мог бы и сам догадаться, что она двинется на за-

пад. Ее тянет запах денег и славы. Она как больное животное, которое само не знает, куда тащится, но остановиться не может. Ничего, я ее остановлю. Скоро. Только приму душ и отдохну немного.

Сворачиваю на Бронсон-авеню. Еще так рано, что на улицах никого, кроме нескольких любителей бега. Тянет зайти в «Кладовку», но я и так постоянно там торчу. Пора что-то менять. Перехожу через дорогу. Впереди уже виднеются «Голливудские лужайки».

Из-за угла выскакивает патрульная машина с мигалками. Резко тормозит. Оттуда выпрыгивает коп и наставляет на меня пушку. Я аккуратно ставлю пакет на тротуар и медленно поднимаю руки.

Поймали!

Бледный кусок дерьма по имени офицер Робин Финчер срывает с моей головы наушники. У него мерзкие светлые волосы, которые лучше прятать – под шлемом, под фуражкой, да под чем угодно. Близко посаженные глаза – сразу видно, предки были не слишком разборчивы и трахали кого попало. Кожа грубая, щетина торчит – такому даже притирки Хендерсона не помогут. Все-таки как несправедлив мир!

– Заткнулся и лицом к стене!

Я не знаю, зачем ему мои наушники. И как он меня нашел. И что ему вообще известно. Зато я знаю, что у меня в пакете майки Хендерсона. А это улика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.